

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРИЗВАНІЕ ОСТЗЕЙСКАГО КРАЯ.

ОЧЕРКЪ

Б. И. Т.

25

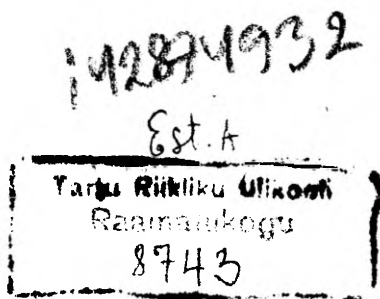
Summ cuique.

№ 35561.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1870.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 Февраля 1870 г.

142874932

Въ Типографіи Второго Отдѣленія Соб. Е. И. В. Канцеляріи.

I.

Разсказываютъ, будто бы какой то Остзеецъ, недовольный мѣстными порядками, воскликнулъ: «все это будетъ иначе, когда мы будемъ Пруссакими»; и потребованный къ отвѣту за такой анти-патріотическій возгласъ, возразилъ, къ великому удивленію вопрошавшаго, что онъ сдѣлалъ это замѣчаніе только изъ патріотизма. «Какъ хорошій русскій патріотъ, я считаю долгомъ вѣрить тому, что говорятъ русскія газеты, а онѣ повторяютъ намъ каждый день, что мы присоединимся къ Пруссіи».

Анекдотъ этотъ, если *сочиненъ*, то во всякомъ случаѣ *сочиненъ хорошо*. Мѣтко обрисовывая опасное возбужденіе политическихъ страстей, которымъ забавляется извѣстный кружокъ нашей русской журналистики, и указывая, что краймольныя тенденціи Остзейскаго края существуютъ только въ воображеніи этого кружка, — анекдотъ этотъ обнаруживаетъ однако, что и въ Остзейскомъ краѣ не все въ надлежащемъ порядкѣ: сквозь иронию Остзейскаго отвѣта просвѣчиваетъ не только остроумное изобличеніе русскихъ крайнофобовъ, но и какое то сожалѣніе и неудовольствіе самихъ Остзейцевъ. Замысловъ объ отдѣленіи Остзейскаго края отъ Россіи нѣтъ и быть не можетъ, ни у истоковъ Двины, ни у береговъ Шпрее. Не говоря уже о томъ, что Остзейцы неспособны играть святостью присяги, и они, и германскіе

Нѣмцы слишкомъ благоразумны, для того чтобы,—забывая бесспорныя и неотъемлемыя права Россіи, — не понимать, что въ виду ея могущества, всякіе помыслы объ отторженіи отъ нея Остзейскаго края были бы безусловно неосуществимы и несбыточны. Но если мы съ одной стороны глубоко убѣждены, что во всемъ Остзейскомъ краѣ нѣтъ ни одного человѣка, который бы не понималъ, что край этотъ на вѣки неразрывно связанъ съ Россіей, то однако съ другой стороны мы не въ состояніи отрицать, чтобы и въ этомъ краѣ не было партіи, которая въ порывѣ политическихъ страстей, предпочитая предаваться инстинктивнымъ и не провѣреннымъ симпатіямъ и антипатіямъ, вмѣсто того чтобы судить и дѣйствовать хладнокровно и спокойно, слѣдуя указаніямъ естественнаго порядка вещей,—подастъ тѣмъ косвенный поводъ къ напраслинамъ и небывицамъ, взводимымъ на Остзейскій край. Кружокъ этотъ знаетъ, что отдѣлиться отъ Россіи нельзя; но онъ поварачивается къ ней спиною, страшится полнаго съ нею сліянія, и оставаясь въ области *pii desiderii*, горюетъ о томъ, что исторія отдѣлила Остзейскій край отъ родной ему Пруссіи, связь съ которою, по мнѣнію этой партіи, болѣе соотвѣтствовала бы интересамъ Остзейскаго края, нежели сліяніе его съ Россіей.

Такимъ образомъ: съ одной стороны—категорическая и Остзейцами вполне сознаваемая невозможность отдѣленія ихъ края отъ Россіи, а съ другой—заподозрѣванье ихъ въ крамольныхъ замыслахъ и сожалѣніе нѣкоторыхъ изъ нихъ,—болѣе или менѣе сознательное,—о томъ, что прошедшее связало ихъ край не съ Пруссіею, а съ Россіей. Какъ согласить эти два обстоятельства? Намъ кажется, что это возможно только двумя способами: признаніемъ, что сліяніе Прибалтійскихъ губерній съ Россіею, соотвѣтствуя неотъемлемымъ

ея правамъ и несомнѣннымъ ея интересамъ,—которые во всякомъ случаѣ не могутъ не быть уважены,—не вполне согласно съ исключительными интересами Остзейскаго края; или же отнесеніемъ всѣхъ этихъ обвиненій, сожалѣній и мечтаній въ область увлеченій политическими страстями, ослѣпляющихъ людей партій до совершеннаго непониманія политическаго призванія Остзейскаго края и естественныхъ его интересовъ.

Итакъ чья вина? исторіи ли, дурно распорядившейся судьбою Остзейскаго края, или политическихъ страстей, запутывающихъ самые простые вопросы? Отвѣтить не трудно. Но въ виду того раздраженія, которое въ отношеніи къ этому предмету обуяло и прессу, и общество, намъ казалось не безполезна, не довольствуясь поверхностнымъ отвѣтомъ, разрѣшить этотъ вопросъ категорически, подробнымъ разслѣдованіемъ интересовъ Остзейскаго края, какъ матеріальныхъ такъ и духовныхъ; разъясненіемъ соотвѣтствующаго этимъ интересамъ политическаго призванія Прибалтійскихъ нашихъ губерній; и сравненіемъ,—для возможно бѣльшей осязательности отвѣта,—настоящаго положенія ихъ съ тѣмъ, въ которомъ онѣ находились бы, въ случаѣ связи съ Пруссією.

II (¹).

Пушкинское «о Русь, о rus!» относится до нашего Остзейскаго края почти столько же, какъ и до всей вообще Россіи. И эти ея губерніи составляютъ преимущественно деревню, и въ нихъ сельская промышленность имѣетъ значительный перевѣсъ передъ мануфактурною, тѣмъ болѣе, что положеніе Балтійскаго края представляется особенно выгоднымъ для легкаго сбыта земледѣльческихъ произведеній. Количество произрастающаго въ Остзейскомъ краѣ хлѣба не только достаточно, даже въ обыкновенные неурожайные годы, на удовлетвореніе собственныхъ потребностей провинцій, но и образуетъ значительный излишекъ для вывоза, причемъ рожь идетъ преимущественно въ Голландію, ячмень—въ Англію и Голландію, овесъ и пшеница—въ Англію (²). Въ Германію и страны скандинавскія, житницею которыхъ Остзейскій край считался въ эпоху подчиненія его Швеціи, хлѣбъ вывозится нынѣ въ значительно мѣньшемъ количествѣ (³), нежели на Сѣверо-Западъ Европы, что въ отношеніи къ Финляндіи объясняется отчасти тѣмъ, что въ настоящее вре-

(¹) Свѣдѣнія о промышленности Остзейскаго края, сверхъ доставленныхъ намъ словесно и лично нами собранныхъ, а также извлеченныхъ изъ источниковъ, которые будутъ указаны въ своемъ мѣстѣ, мы почерпнули преимущественно изъ матеріаловъ для географіи и статистики Россіи, собранныхъ офицерами Генеральнаго Штаба. (Лифляндская губ., сост. Ф. Веймарнъ, 1864. Курляндская губ., сост. А. Орановскій, 1862).

(²) Веймарнъ, стр. 366 и 484. Орановскій, стр. 336.

(³) Веймарнъ, стр. 488.

мя сѣверное побережье Балтійскаго моря снабжается хлѣбными товарами главнѣйшимъ образомъ чрезъ посредство Петербурга ⁽⁴⁾. Встрѣчающійся въ исключительныхъ случаяхъ недостатокъ хлѣба пополняется привозомъ изъ другихъ русскихъ губерній ⁽⁵⁾, какъ напр. во время голода на островѣ Эзелѣ и въ западной Эстляндіи въ минувшемъ 1869 году ⁽⁶⁾. Но кромѣ хлѣбныхъ растений и картофеля, разводимаго на мѣстныхъ нужды, сельское хозяйство Остзейскаго края и преимущественно Лифляндской губерніи производитъ коноплю, пеньку и въ особенности ленъ, которыя отправляются главнѣйшимъ образомъ въ Англію, а сверхъ сего также во Францію, и въ незначительномъ количествѣ въ Бельгію, Голландію, Скандинавскія государства, Пиренейскій полуостровъ, Пруссію и Неаполь ⁽⁷⁾. Подобно хлѣбопашеству, также и другія отрасли сельской промышленности Остзейскаго края не только удовлетворяютъ мѣстнымъ потребностямъ, но и доставляютъ значительный избытокъ произведеній, изъ числа которыхъ вывозятся за границу сало, невыдѣланныя кожи ⁽⁸⁾ и лѣсные товары ⁽⁹⁾; послѣдніе въ особенности современи желѣзнодорожныхъ сооруженій на Западѣ Европы. Остальныя же сельско-хозяйственныя произведенія, не потребляемыя на мѣстѣ, идутъ въ сосѣднія русскія губерніи и въ особенности въ Петербургъ. Такъ напр. откормленный

⁽⁴⁾ Сборн. свѣд. и матер. по вѣд. Министерства Финансовъ, 1866, № 10, стр. 132.

⁽⁵⁾ Веймарнъ, стр. 367.

⁽⁶⁾ До открытія судоходства между Петербургомъ и Аренсбургомъ, первые транспорты ячменя и картофеля получены были, по свѣдѣнности дѣла, изъ Штеттина, но на деньги, собранныя преимущественно въ Петербургѣ. Съ открытіемъ судоходства хлѣбъ доставлялся изъ Петербурга.

⁽⁷⁾ Веймарнъ, стр. 379 и 483. Орановскій, стр. 336.

⁽⁸⁾ Орановскій, стр. 316.

⁽⁹⁾ Веймарнъ, стр. 485. Орановскій, стр. 271, 336 и 338.

скотъ отправляется въ значительномъ количествѣ въ Псковскую и Витебскую губерніи и преимущественно въ столицу ⁽¹⁰⁾. По имѣющимъ у насъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1852 году, одна Эстляндская губернія посылала въ Петербургъ отъ 12.000 до 15.000 рогатаго скота и отъ 3.500 до 5000 овецъ. Туда же отправляются гипсъ ⁽¹¹⁾, сыръ, масло, кильки ⁽¹²⁾, домашнія птицы; послѣднія закупаются промышленниками изъ Петербурга во всей сѣверной половинѣ Остзейскаго края, причемъ, по расчету Г-на Веймарна, нѣкоторые хозяева продаютъ въ годъ живности на 400 и даже 500 руб. ⁽¹³⁾. Значительную отрасль добывающей промышленности составляетъ также ловля снѣтковъ, которые разсылаются не только въ Петербургъ и въ сосѣднія съ Остзейскимъ краемъ мѣста Россіи, но и въ Москву, Кіевъ, Варшаву ⁽¹⁴⁾. Въ Двинѣ ловится минога, которая маринуется и посылается въ Ковенскую губернію ⁽¹⁵⁾. Сверхъ сего Остзейскій край поставяетъ въ другія части Россіи также и туземныхъ своихъ лошадей, извѣстныхъ подъ названіемъ клепперовъ. Лошади эти цѣнятся довольно дорого, и большая часть изъ нихъ скупается барышниками, для перепродажи въ другія губернія и отчасти въ Пруссію ⁽¹⁶⁾.

Посылая такимъ образомъ избытокъ своихъ сельскохозяйственныхъ произведеній преимущественно въ сѣверо-западную Европу и во внутрь Имперіи, въ особенности въ Петербургъ, Остзейскій край оттуда же получаетъ тѣ пред-

⁽¹⁰⁾ Веймарнъ, стр. 389.

⁽¹¹⁾ Орановскій, стр. 309 и 315.

⁽¹²⁾ Веймарнъ, стр. 407.

⁽¹³⁾ Веймарнъ, стр. 394.

⁽¹⁴⁾ Веймарнъ, стр. 409.

⁽¹⁵⁾ Орановскій, стр. 284.

⁽¹⁶⁾ Веймарнъ, стр. 385.

меты, которые не доставляет ему собственная добывающая промышленность. Россія, кромѣ хлѣба, въ исключительныхъ случаяхъ недостатка онаго, о чемъ мы уже имѣли случай упомянуть выше, доставляетъ Остзейскому краю воловъ ⁽¹⁷⁾, литовскихъ и русскихъ извозничьихъ лошадей ⁽¹⁸⁾. Сѣверъ Европы шлетъ въ Остзейскій край сельдей ⁽¹⁹⁾; Западъ и Сѣверъ, въ особенности Англія,—соль ⁽²⁰⁾; южная и средняя Европа—фрукты ⁽²¹⁾.

Переходя отъ земледѣльческой промышленности къ мануфактурной, мы прежде всего должны замѣтить, что послѣдняя хотя и занимаетъ въ Остзейскихъ провинціяхъ второе мѣсто въ сравненіи съ первою, но, подобно добывающей промышленности, также связываетъ Остзейскій край: съ одной стороны—съ остальною Россією, а съ другою—съ крайнимъ Сѣверо-Западомъ Европы. Изъ числа сырыхъ матеріаловъ, необходимыхъ для его ремеслъ, фабрикъ и заводовъ, и не доставляемыхъ ему собственною добывающею промышленностью,—какъ напр. лѣсъ, картофель, конопля, ленъ, пенька, шерсть, гипсъ, сало, поташъ, известь, масло, янтарь, получаемые на мѣстѣ ⁽²²⁾,—другія губерніи Россіи доставляютъ Остзейскому краю: листовой табакъ, приобретаемый изъ губерній: Черниговской, Полтавской и Саратовской и покупаемый въ южной Россіи, на Нижегородской ярмаркѣ и въ С.-Петербургѣ ⁽²³⁾; металлы, какъ напр. мѣдь, свинецъ, желѣзо, олово, доставляемые изъ Петербурга, откуда полу-

⁽¹⁷⁾ Орановскій, стр. 276.

⁽¹⁸⁾ Тамъ же, стр. 278, и 317.

⁽¹⁹⁾ Веймарнъ, стр. 483. Орановскій, стр. 317.

⁽²⁰⁾ Веймарнъ, стр. 483. Орановскій, стр. 317.

⁽²¹⁾ Орановскій, стр. 263 и 317.

⁽²²⁾ Веймарнъ, стр. 433. Орановскій, стр. 272, 292, 298, 300 и 312.

⁽²³⁾ Веймарнъ, стр. 433. Орановскій, стр. 317.

чается также и сырой матеріалъ, необходимый для химическихъ заводовъ ⁽²⁴⁾; льняное сѣмя и шерсть, доставляемыя изъ внутреннихъ губерній по Двинѣ ⁽²⁵⁾; хмѣль изъ Литвы ⁽²⁶⁾. Изъ числа странъ западной Европы наиболѣе сырыхъ матеріаловъ поставляетъ Остзейскому краю Англія, откуда доставляется литая сталь, олово, коксъ, хлопчатая бумага, шерсть ⁽²⁷⁾. Изъ Голландіи Остзейскій край получаетъ глину, изъ Любека—плиты, изъ Америки—листовой табакъ и сахарный сырецъ ⁽²⁸⁾. Имѣя главнымъ своимъ назначеніемъ удовлетворять собственнымъ мѣстнымъ потребностямъ ⁽²⁹⁾, ремесленная, заводская и фабричная дѣятельность Остзейскаго края сбываетъ однако значительное количество своихъ произведеній въ край и притомъ главнѣйшимъ образомъ въ другія мѣстности Россіи ⁽³⁰⁾, и только въ весьма ограниченномъ размѣрѣ за границу. Въ Россію Остзейскій край сбываетъ: хлѣбное вино, отправляемое въ Финляндію, Нарву, Псковскую и Витебскую губерніи и Литву ⁽³¹⁾; обдѣланный янтарь, который развозится во внутреннія губерніи и преимущественно продается на ярмаркахъ: въ Полтавѣ, Харьковѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Ромнахъ, Ростовѣ, Таганрогѣ

⁽²⁴⁾ Веймарнъ, стр. 433. Орановскій, стр. 317.

⁽²⁵⁾ Веймарнъ, стр. 433.

⁽²⁶⁾ Орановскій, стр. 300.

⁽²⁷⁾ Веймарнъ, стр. 433. Орановскій, стр. 305.

⁽²⁸⁾ Веймарнъ, стр. 433.

⁽²⁹⁾ Веймарнъ, стр. 434 и 436. Орановскій, стр. 292—294, 296—298, 300, 311 и 312.

⁽³⁰⁾ Въ подтвержденіе этого обстоятельства, независимо отъ слѣдующихъ ссылокъ, указываемъ въ особенности на помѣщенный въ книгѣ Г-на Веймарна, (стр. 438—464), перечень ливляндскихъ фабрикъ и заводовъ, изъ котораго усматривается, что тѣ изъ произведеній этихъ фабрикъ, которыя не идутъ на удовлетвореніе мѣстныхъ потребностей, сбываются преимущественно въ другія губерніи Имперіи.

⁽³¹⁾ Веймарнъ, стр. 413. Орановскій, стр. 300.

и Нижнемъ Новгородѣ, а также посылается по почтѣ на Кавказъ ⁽³²⁾; льняное масло, отправляемое въ Динабургъ ⁽³³⁾; издѣлія табачно-сигарныя, которыя идутъ въ Ковенскую, Витебскую и Виленскую губерніи ⁽³⁴⁾; сукна, сбываемыя во внутреннія части Имперіи, въ Польшу и Финляндію ⁽³⁵⁾; наконецъ издѣлія шерстяныя ⁽³⁶⁾, отправляемыя преимущественно въ Петербургъ, равно какъ и хлопчато-бумажныя и плисовые, а также произведенія крахмальныхъ фабрикъ и заводовъ химическихъ и чугунно-литейныхъ, сбываемыя въ Петербургскую и другія смежныя губерніи ⁽³⁷⁾. Что же касается до фабрикъ и заводовъ, которые отправляютъ свои произведенія за границу, то Г. Веймарнъ насчитываетъ таковыхъ въ Лифляндіи только пять: двѣ маслобойни, одну пробочную фабрику и два пильныхъ завода ⁽³⁸⁾. Сверхъ сего изъ числа произведеній обрабатывающей промышленности посылается изъ Остзейскаго края за границу: хлѣбное вино, преимущественно въ Голландію и Любекъ, а также обработанный янтарь, въ небольшемъ количествѣ отправляемый въ Пруссію и Францію ⁽³⁹⁾. Недостатокъ произведеній, добываемыхъ собственною мануфактурною промышленностью, Остзейскій край пополняетъ доставляемыми ему изъ Москвы чаемъ и матеріальными товарами ⁽⁴⁰⁾, преимущественно же привозомъ изъ-за границы,

⁽³²⁾ Орановскій, стр. 312 и 315.

⁽³³⁾ Орановскій, стр. 296.

⁽³⁴⁾ Орановскій, стр. 315.

⁽³⁵⁾ Веймарнъ, стр. 435.

⁽³⁶⁾ Тамъ же, стр. 391 и 435.

⁽³⁷⁾ Орановскій, стр. 315. Веймарнъ, стр. 435.

⁽³⁸⁾ Стр. 434.

⁽³⁹⁾ Орановскій, стр. 312.

⁽⁴⁰⁾ Орановскій, стр. 317.

причемъ вина онъ получаетъ главнѣйшимъ образомъ изъ Франціи, портеръ и металлическія издѣлія—изъ Великобританіи, колоніальные товары и издѣлія льняныя, бумажныя, шелковыя и шерстяныя—изъ всей вообще западной Европы (⁴¹).

Изъ этого обзора экономическаго положенія Остзейскаго края явствуется, что въ сельско-хозяйственномъ и мануфактурномъ отношеніи онъ связанъ главнѣйшимъ образомъ: съ одной стороны—съ Россіею, откуда получаетъ, сверхъ хлѣба, въ исключительныхъ случаяхъ недостатка онаго, сырые матеріалы для своей мануфактурной промышленности, и куда сбываетъ ненужныя на удовлетвореніе собственныхъ потребностей издѣлія мануфактурныя, равно какъ и произведенія сельско-хозяйственныя, кромѣ хлѣба и льна; съ другой же стороны—преимущественно съ крайними сѣверо-западными странами Европы и въ особенности съ Англіею: получая тѣ предметы добывающей промышленности, которые не доставляютъ ему ни собственный край, ни остальная Россія, а также колоніальные товары и мануфактурныя издѣлія,—изъ всей вообще Европы, Остзейскій край главные предметы своего сбыта,—ленъ и хлѣбъ,—посылаетъ почти исключительно въ Англію и Голландію. Очевидно послѣ сего, что и торговля должна его связывать главнѣйшимъ образомъ съ другими частями Имперіи и съ Сѣверо-Западомъ Европы, и что связь эта должна быть тѣмъ болѣе сильна, что торговля нашихъ Остзейскихъ губерній призвана не только служить непосредственно собственнымъ, мѣстнымъ интересамъ края, но и занимать одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ дѣлѣ транзитномъ.

(⁴¹) Веймарнъ, таблица къ стр. 486. Ежегодникъ Министерства Финансовъ, 1869, стр. 347.

III.

Достаточно взглянуть на карту Европы для того, чтобы убѣдиться, что Балтійское море, это Средиземное море Сѣвера, призвано по географическому своему положенію быть посредницею торговли Востока Европы съ ея сѣверо-западными странами. И дѣйствительно первыя историческія свѣдѣнія о Балтійскомъ морѣ рассказываютъ уже о Финикіянахъ, вывозившихъ янтарь съ южныхъ его береговъ, и повѣствуютъ о торговыхъ сношеніяхъ скандинавскихъ Норманновъ и Славянъ южнаго балтійскаго побережья съ Новгородомъ, по Финскому заливу, Невѣ, Ладожскому озеру и Волхову. Расположенный въ той части Россіи, гдѣ водоемы Волги и Днѣпра соприкасаются съ бассейномъ рѣкъ Балтійскаго моря, Новгородъ издавна торговалъ съ Болгарами и Козарами Волжскими; черезъ Кіевъ, *путемъ Греческимъ*, посылалъ свои ладьи въ Византію, и затѣмъ, чрезъ посредство Балтійскаго моря, мѣнялъ богатые одежды и драгоценныя ткани Царьграда; дорогіе камни, бисеръ, золотыя, серебряныя и другія издѣлія Востока, а также произведенія Сѣвера, — мѣха, воскъ, медъ, кожи, пеньку, ленъ, — на товары Запада, тонкія сукна, соль, сельди, которые получалъ преимущественно изъ городовъ южнаго балтійскаго поморья, быстро германизовавшихся и распространявшихъ свою дѣятельность, съ тѣхъ поръ какъ по стопамъ Карла Великаго были внесены въ эти страны начатки наслѣдованной отъ древнихъ греко-римской цивилизаціи. Но на далекомъ пути отъ этого побережья до Новгорода нужна была посредствующая станція. На самой срединѣ Балтійскаго моря, тамъ гдѣ оно расходит-

ся на три главныхъ своихъ залива, лежитъ на перепуты островъ Готландъ, и вскорѣ главный городъ острова,— Визби,—сдѣлался центромъ всей сѣверной европейской торговли и посредствующимъ звеномъ торговли Новгорода съ Западомъ. Между тѣмъ положеніе этой балтійской Венеціи, на островѣ посреди моря, въ сущности вовсе не было удобнымъ для складочнаго мѣста торговли Руси съ Сѣверо-Западомъ Европы, и сила естественнаго порядка вещей должна была указать этой торговлѣ другое складочное мѣсто. Новгородъ былъ главнымъ, но не единственнымъ торговымъ городомъ западной Россіи; кромѣ него, пользуясь выгоднымъ положеніемъ по воднымъ путямъ, имѣли торговое значеніе: Старая Русса, Псковъ, Изборскъ, Смоленскъ, Витебскъ. Полоцкъ, и всѣ эти города, расположенные полукругомъ около древней Ливоніи, имѣли въ ней выходъ въ *Восточное море*; съ одной стороны Западною Двиною, а съ другой— Пейпусомъ, откуда Наровою, Эмбахомъ, Пернавою и Лифляндскою Аа ведутъ къ морю три естественныхъ пути, одинъ въ Нарву, другой въ Перновъ, третій къ Двинѣ. Сама природа предназначила такимъ образомъ Ливоніи быть складочнымъ мѣстомъ торговли Россіи съ Западомъ, и еще прежде водворенія въ ней Нѣмцовъ южнаго балтійскаго побережья, Ливонія заявила уже въ этомъ смыслѣ свое торговое значеніе; уже въ эти раннія времена въ ней ежегодно, по словамъ Карамзина, бывали многолюдныя ярмонки, собирались весною норвежскіе и другіе купцы, покупали товары *изобильной всѣми благами Руси*, невольниковъ, мѣха, и возвращались въ отечество не прежде осени ⁽⁴²⁾.

Какъ извѣстно, повѣствуютъ, будто-бы первые Нѣмцы,

⁽⁴²⁾ Ист., 1851, I, 248.

посѣтившіе нашъ Остзейскій край, купцы изъ Бремена, были занесены въ устье Двины случайно, бурей, по дорогѣ въ Визби ⁽⁴³⁾. Но случайность эта не правдоподобна. По всемъ вѣроятіямъ они отправились открывать Ливонскій край именно съ цѣлю торговыхъ сношеній съ Русью ⁽⁴⁴⁾, и во всякомъ случаѣ знаменательно, что первые нѣмецкіе посѣтителѣ этого края, о которыхъ мы имѣемъ достовѣрныя свѣдѣнія, были купцы; что они немедленно стали производить съ туземцами мѣну; и что рассказываютъ ⁽⁴⁵⁾, будто бы городъ Рига получилъ свое названіе отъ риги, построенной готландскими купцами, для склада товаровъ, у истоковъ Двины, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ началѣ XIII столѣтія Епископъ Альбертъ основалъ главный городъ Ливоніи. Такимъ образомъ самое имя запечатлѣло за Ригю значеніе складочнаго мѣста торговли Россіи съ Западомъ, и таковое значеніе Риги и вообще всей Ливоніи съ вѣками постоянно возрастало, по мѣрѣ того какъ падало значеніе готландскаго Визби, разореннаго Датчанами; какъ съ подчиненіемъ Невы власти Шведовъ и съ возрастающимъ могуществомъ Москвы, ослабѣвало значеніе ганзейской новгородской факторіи; и какъ мало по малу падало также и значеніе самой Ганзы и въ особенности Любека, который,—пока былъ въ силѣ,—ревниво оберегая интересы своихъ одностороннихъ монополій, въ угоду имъ препятствовалъ развитію самостоятельной торговли ливонскихъ городовъ. Съ паденіемъ Ганзы Западъ сталъ вести свою торговлю съ Русью

⁽⁴³⁾ Ист. Россіи Соловьева, 1852, т. 2, стр. 377.

⁽⁴⁴⁾ Richter, Geschichte der deutschen Ostseeprovinzen Russlands, 1857, Th. 1, S. 83 u 334.

⁽⁴⁵⁾ Livland und die Anfänge deutschen Lebens im baltischen Norden von Kurd von Schlözer, 1850, S. 67.

почти исключительно чрезъ посредство Ливоніи, и понятно потому, что первымъ дѣломъ окрѣпившей Россіи было возвращеніе себѣ естественной своей гавани, отнятой у нея въ тяжелые дни удѣльныхъ междоусобій и монгольскаго ига.

Мы сказали: *отнятой* у Россіи. Дѣйствительно; прежде нежели въ Остзейскомъ краѣ водворились Нѣмцы, вся юго-восточная часть его уже была данницею Россіи; почти за два вѣка до основанія Нѣмцами Риги, Ярославъ основалъ въ подвластномъ ему Чудскомъ краѣ Юрьевъ, нынѣшній Дерптъ; и самыя тѣ низовыя двинскія страны, съ которыхъ Нѣмцы начали свое заселеніе Остзейскаго края, еще до ихъ прихода принадлежали уже Полоцкимъ Князьямъ, которые, имѣя на Двинѣ свои укрѣпленные мѣста, Кокейнось, (нынѣшній Кокенгузень), и Герсикъ, собирали дань съ прибрежныхъ жителей Балтійскаго моря. Только съ разрѣшенія Полоцкаго Князя первый нѣмецкій Епископъ Остзейскаго края Мейнгардъ проповѣдывалъ въ немъ христіанство, и только послѣ упорной войны съ Князьями Полоцкими, съ Новгородомъ и Псковомъ, послѣ отнятія у первыхъ низовыхъ двинскихъ странъ и послѣ взятія Юрьева, — Нѣмцы могли утвердиться въ Остзейскомъ краѣ, благодаря слабости тогдашней Россіи, разорванной на удѣлы и порабощенной Монголами, и сепаратизму Новгорода и Пскова: занятые почти исключительно охраненіемъ своихъ вольностей, города эти мало радѣли объ общихъ интересахъ Руси. Но и въ эти годы русскихъ бѣдствій Россія не переставала заявлять свои права на Остзейскій край, побѣдою Александра Невскаго на Чудскомъ озерѣ, Князя Дмитрія Александровича при Везенбергѣ, постоянными войнами Новгорода и Пскова съ Ордею. И какъ скоро Россія очнулась отъ монгольскаго онѣмѣнія, Дерптъ обязался вновь въ 1503 году платить Россіи

старинную поголовную подать. Условіе это не было выполнено, и хотя затѣмъ Іоаннъ IV заявилъ вновь, въ срединѣ XVII вѣка, древнее право господства Россіи въ Ливоніи, но и на этотъ разъ право это не могло быть осуществлено, благодаря превосходящей силѣ Польши и Швеціи, для успѣшной борьбы съ которыми Русь въ тѣ дни еще не достаточно окрѣпла. Но едва Россія превозмогла преобладаніе этихъ двухъ безпокойныхъ сосѣдовъ, какъ она поспѣшила, руководимая Петромъ, возвратить себѣ свой естественный выходъ въ море ⁽⁴⁶⁾.

Мы остановились на этихъ общеизвѣстныхъ историческихъ фактахъ потому, что, по нашему мнѣнію, остзейская полемика недостаточно обращаетъ на нихъ вниманіе; между тѣмъ, для опредѣленія политическаго призванія Остзейскаго края, весьма знаменательно, что съ самаго вступленія этого края въ число историческихъ странъ,—по мнѣнію Г-на Погодина уже со временъ рюриковыхъ ⁽⁴⁷⁾,—исторія утвердила неразрывную связь Россіи съ естественною ея гаванью.

Въ географическомъ описаніи Остзейскаго края Биненстамма, изданномъ въ 1826 году, между прочимъ говорится, что лифляндская торговля, подобно торговлѣ всѣхъ вообще прибалтійскихъ странъ, спустилась съ того цвѣтущаго состоянія, въ которомъ находилась еще за нѣсколько лѣтъ до 1826 года, и ежегодно все болѣе и болѣе упадаетъ, отъ причинъ, ближайшее опредѣленіе которыхъ находится, по объясненію Биненстамма, виѣ предѣловъ его сочиненія ⁽⁴⁸⁾.

⁽⁴⁶⁾ Интересныя данныя въ подкрѣпленіе древняго историческаго права Россіи на Ливонію указаны М. Погодинымъ въ его книгѣ: Остзейскій вопросъ, 1869, стр. 10 и слѣд.

⁽⁴⁷⁾ Остзейскій вопросъ, стр. 13.

⁽⁴⁸⁾ Geographischer Abriss der drei deutschen Ostseeprovinzen Russlands von Bienenstamm, 1826, S. 197.

Не знаемъ, какія именно причины разумѣются въ этомъ таинственномъ указаніи; но при томъ предубѣжденіи, которое многіе остзейскіе писатели обнаруживаютъ къ Россіи, найдутся, быть можетъ, истолкователи, которые станутъ искать таковыхъ причинъ въ связи Остзейскаго края съ Россією; а потому считаемъ не безполезнымъ разяснить цифрами и осязательными фактами значеніе непосредственной связи этого края съ тою страной, гаванью котораго ему предназначено быть и природою, и исторією.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что основаніе Петербурга и временныя мѣры, принятыя Петромъ I для огражденія юнаго порта столицы, — въ первые годы его существованія, — отъ соперничества сосѣдей, — какъ напр. воспрещеніе отправлять нѣкоторые русскіе товары, для вывоза за границу, въ Ригу, Ревель и Нарву, — должны были повліять на ослабленіе торговой дѣятельности остзейскихъ и въ особенности эстляндскихъ портовъ. Но съ другой стороны вновь учрежденная столица имѣла, какъ нами уже выше указано, самое благодѣтельное вліяніе на сельскую промышленность сѣверной части Остзейскаго края, создавъ новый обширный рынокъ для сбыта сельско-хозяйственныхъ произведеній не только самого Остзейскаго края, но и посылаемыхъ чрезъ него транзитомъ изъ другихъ мѣстностей Россіи. Такъ напр. намъ сообщали, что черезъ Эстляндію проходятъ въ Петербургъ изъ Малороссіи гурты скота, который становится обыкновенно въ эстляндскихъ имѣніяхъ на барду, что составляетъ для помѣщиковъ немаловажную прибыль. Такимъ образомъ, если Эстляндія вслѣдствіе основанія Петербурга и потеряла въ отношеніи заграничной торговли Россіи, то эта потеря уравнивается однако въ значительной степени сельско-хозяйственными выгодами, доставляемыми краю близостью столи-

цы. Во всякомъ же случаѣ учрежденіе Петербургскаго порта могло повліять на виѣшнюю торговлю только эстляндскихъ портовъ, а не главнаго доселѣ остзейскаго порта, Риги. Въ Сборникѣ свѣдѣній и матеріаловъ по вѣдомству Министерства Финансовъ сообщается ⁽⁴⁹⁾, на основаніи архивныхъ свѣдѣній, что въ 17-мъ столѣтіи изъ Рижскаго порта отходило ежегодно среднимъ числомъ отъ 3 до 400 судовъ; въ первой половинѣ 18-го столѣтія—до 500; во второй—отъ 7 до 800; въ первую четверть текущаго столѣтія—до 1000; во вторую—до 1200; въ десять лѣтъ съ 1856 по 1866 годъ среднимъ числомъ—1930; въ 1866 году—2304 судна; а въ 1866 году по 1-е Декабря—2324. Сообщая эти цифры, которыя говорятъ въ пользу развитія рижской торговли тѣмъ болѣе, что емкость судовъ прежнихъ столѣтій едва достигала половины емкости нынѣшнихъ, Сборникъ не безъ основанія усматриваетъ въ этихъ цифрахъ несомнѣнное доказательство того, что торговля Остзейскаго края подъ сѣбною двуглавого Россійскаго орла стремится быстрыми шагами къ такому цвѣтущему положенію, какимъ она никогда не пользовалась ни подъ лапами Шведскаго льва, ни подъ когтями Польскаго орла, ни даже въ пресловутые дни принадлежности ливонскихъ городовъ къ Ганзейскому Союзу. Оно иначе и быть не могло. Мы указывали уже выше на соперничество торговыхъ интересовъ ганзейскихъ городовъ южнаго балтійскаго поморья съ интересами городовъ ливонскихъ. Для огражденія своихъ монополій, Ганза запрещала Нидерландцамъ, Англичанамъ и другимъ иностранцамъ, не принадлежавшимъ къ Союзу, торговать съ Русскими въ Ливоніи, не позволяя имъ вмѣстѣ съ тѣмъ учиться въ этомъ краѣ русскому языку,

⁽⁴⁹⁾ За 1866 г., № 11 и 12, стр. 215.

для производства непосредственного торга съ русскими купцами; точно также и самимъ ливонскимъ городамъ строго запрещалось входить въ самостоятельныя, непосредственныя сношенія съ Русскими и торговать съ ними на собственный счетъ ⁽⁵⁰⁾; и вообще Ганза во всѣхъ отношеніяхъ, какъ замѣчаетъ и остзейскій историографъ Рихтеръ ⁽⁵¹⁾, вмѣсто того, чтобы обращаться съ Ливонцами какъ съ равноправными согражданами, всячески стѣсняла ихъ исключительностью своихъ монополій. Между тѣмъ Англичане, не допускаемые Ганзою къ балтійской торговлѣ, открыли себѣ путь въ Россію чрезъ Архангельскъ, дѣлая такимъ образомъ обходъ, въ ущербъ естественныхъ торговыхъ интересовъ балтійскаго побережья и всей вообще Россіи. Точно также и торговые интересы Швеціи и Остзейскаго края не совпадали другъ съ другомъ; въ угоду шведскимъ городамъ шведское правительство стѣсняло торговые права городовъ ливонскихъ ⁽⁵²⁾ и, взимая чрезмѣрно высокія пошлыны, значительно затрудняло тѣмъ процвѣтаніе остзейской торговли. Напротивъ того естественные торговые интересы Польши и въ особенности Литвы, равно какъ и сѣверо-западной Россіи, вполне соответствуютъ интересамъ Остзейскаго края, а засимъ очевидно, что только съ присоединеніемъ къ Россіи, включившей въ свой составъ также и Литву и Польшу, Остзейскій край вступилъ въ соответствующую его промышленнымъ интересамъ политическую связь, не только относительно сбыта своихъ мѣстныхъ товаровъ и доставленія ему чужихъ товаровъ для него самого, о чемъ уже указано выше, но и въ отношеніи транзитной торговли, которая, по положенію Остзейскаго

⁽⁵⁰⁾ Richter, Th. 1, B. II, S. 88 и 96.

⁽⁵¹⁾ Тамъ же, стр. 421.

⁽⁵²⁾ Тамъ же, Th. II, B. II, стр. 248.

края, призвана играть въ его экономической жизни первостепенную роль. Литва, Бѣлоруссія, Смоленская, Псковская губерніи, получая чрезъ Остзейскій край изъ — за границы колониальные товары, соль, сельди, посылаютъ чрезъ этотъ же край за границу, въ особенности на Сѣверо-Западъ Европы, Двиною съ ея притоками: Обшею, Касплею и другими, а также Наровою: ленъ, который по мѣстному народному выраженію составляетъ *первыя деньги* края, хлѣбъ, пеньку, льняное и конопляное сѣмя, конопляное масло, лѣсные товары, сало, кожи, медъ, воскъ ⁽⁵³⁾. Торговля эта, занимающая уже нынѣ весьма важное мѣсто въ промышленной дѣятельности края, должна сверхъ того развиваться съ каждымъ годомъ, благодаря именно связи края съ Россією и новой эрѣ, въ которую Россія нынѣ вступила. Постройка желѣзныхъ дорогъ, уже въ настоящее время усилившая торговую дѣятельность Риги, не только будетъ ее расширять ежегодно, облегчая доставку въ Ригу товаровъ изъ странъ двинскихъ и привлекая къ этому порту, для транзита, товары также и изъ мѣстностей средней Россіи, лежащихъ за бассейномъ Двины, какъ напр. изъ Орловской губерніи ⁽⁵⁴⁾, — но и дастъ надлежащее значеніе Либавѣ, какъ порту юго-западной Россіи, чрезъ который будутъ доставляться на Сѣверо-Западъ Европы не только товары ближайшихъ къ Курляндіи русскихъ мѣстностей, но и грузы изъ южныхъ хлѣбородныхъ днѣпровскихъ губерніи ⁽⁵⁵⁾. Мы усматриваемъ

⁽⁵³⁾ Веймарнъ, стр. 468. Сборн. свѣд. и матер. по вѣд. М—ва Ф—совъ, 1866, № 9, стр. 26. Басковъ, льняная промышленность въ Псковской губерніи, въ Сборн. свѣд. и матер. по вѣд. М—ва Ф—совъ, 1866, № 6, стр. 132 и слѣд.

⁽⁵⁴⁾ Hennings, Rigas Handel, in d. Balt. Monatsschr, 1867, B. 13, S. 123.

⁽⁵⁵⁾ Ссылаясь въ отношеніи къ этому предмету вообще на передовыя статьи Московскихъ Вѣдомостей, мы указываемъ въ особенности на одну изъ послѣднихъ, помѣщенную въ № 249 за 1869 г. Что же касается до опасеній, выска-

напр. изъ Видовъ торговли, что вся почти пшеница вывозится изъ Россіи чрезъ Черное и Азовское моря и отправляется преимущественно въ Великобританію ⁽⁵⁶⁾; между тѣмъ достаточно бѣлаго взгляда на карту, чтобы убѣдиться, что отъ Чернаго моря разстояніе до Англіи на столько значительнѣе, нежели отъ Либавы, что по видимому только отсутствіе удобнаго сухопутнаго сообщенія между днѣпровскими хлѣбородными губерніями и Курляндією заставляеть пшеницу дѣлать округъ чрезъ Средиземное море. Наконецъ, независимо отъ вышеуказаннаго, желѣзныя дороги усилятъ остзейскую торговлю также и въ томъ отношеніи, что неминуемо отвлекутъ значительную часть транзитной торговли Петербурга къ портамъ эстляндскимъ.

Сооружая Петербургъ, какъ столицу Россіи, и признавая необходимымъ снабдить столицу портомъ, для первоначальнаго же его развитія оградить юный портъ временными протекціонными мѣрами, геній Петра Великаго понималъ однако, что Петербургъ, по естественному своему положенію, неудобенъ для центрального складочнаго мѣста торговли Россіи съ Сѣверо-Западомъ Европы, какъ потому, что плаваніе по Финскому заливу, по чрезвычайной узкости фарватера и множеству банокъ, представляетъ не мало затрудненій даже и нынѣ, не смотря на значительное со времени Петра Великаго улучшеніе морскихъ картъ, такъ въ особенности по той причинѣ, что вершина Финскаго залива въ теченіи полугода недоступна для навигаціи. Въ виду сего Петръ Великій поло-

зываемыхъ Вѣдомостями, то мы убѣждены, что и въ этомъ дѣлѣ сила естественнаго порядка вещей должна будетъ взять свое.

⁽⁵⁶⁾ Въ 1868 г. вывезено было пшеницы всего на 48 мил. [Виды внѣшней торговли Россіи за 1868 г., стр. 12], причемъ изъ балтійскихъ портовъ на 4 мил. (стр. 17), а изъ черноморскихъ почти на 41 (стр. 20). Въ Великобританію отправлено было пшеницы на 27 милліоновъ.

жилъ соорудить для Россіи балтійскій портъ на сѣверо-западной оконечности Эстляндіи, въ Рогервикскомъ заливѣ, превосходный рейдъ и глубокая гавань котораго представляютъ караблямъ совершенно безопасное положеніе отъ бурь и почти во всякое время года надежное убѣжище отъ льда и вѣтра. Затруднительность этого сооруженія и недостаточное совершенство гидротехники петровскихъ временъ воспрепятствовали Петру привести рогервикскія работы, при своей жизни, къ надлежащему окончанію, по смерти же его онѣ совершенно пріостановились; и хотя затѣмъ, въ царствованіе Екатерины II, онѣ и были возобновлены возвращеннымъ изъ ссылки сподвижникомъ Петра Минихомъ, причемъ Рогервику дано нынѣшнее его названіе Балтійскаго порта, но огромность издержекъ, оказавшихся необходимыми для приведенія этого сооруженія къ окончанію, и возникшій вопросъ о преимуществѣ Ревеля передъ Балтійскимъ портомъ опять воспрепятствовали осуществленію идеи Великаго Преобразователя Россіи. Но предначертаніе его, съ проникательностью орлиного взора указавшее западному эстляндскому побережью его назначеніе, осталось залогомъ того, что съ сооруженіемъ эстляндской желѣзной дороги, побережье это, — такъ или иначе, — должно будетъ, силою естественнаго порядка вещей, сдѣлаться гаванью Петербурга; тѣмъ болѣе, что съ новѣйшими успѣхами гидротехники вполне возможно то, что за полтора вѣка тому назадъ было почти неисполнимо. Намъ сообщали, что уже нынѣ, не смотря на отсутствіе достаточно удобнаго сухопутнаго сообщенія между западомъ Эстляндіи и Петербургомъ, въ Февралѣ мѣсяцѣ, когда Петербургскій портъ еще недоступенъ, первые иностранные свѣжіе фрукты и устрицы привозятся въ Балтійскій портъ, для отправления въ столицу сухимъ путемъ; тѣмъ болѣе должна

будетъ расширяться торговля портовъ западной Эстляндіи, когда они будутъ соединены съ Петербургомъ желѣзною дорогой, и едва ли въ этомъ отношеніи будутъ соперничать съ ними, не смотря на сооруженія финляндской желѣзной дороги, порта юго-западной Финляндіи, такъ какъ перевозъ товаровъ изъ Финляндіи черезъ Аландскіе острова и Скандинавскій полуостровъ къ Нѣмецкому морю слишкомъ сложенъ, въ сравненіи съ отправленіемъ ихъ изъ Эстляндіи моремъ прямо къ мѣстамъ назначенія.

Изъ Видовъ внѣшней торговли усматривается, что балтійская заграничная торговля составляетъ болѣе трети всей вывозной торговли Россіи и болѣе половины всей привозной: въ 1868 году отправлено изъ Россіи товаровъ по европейской и азіатской границамъ всего на 218 съ половиною милліоновъ рублей ⁽⁵⁷⁾, изъ числа коихъ чрезъ Балтійское море вывезено на 82 съ половиною милліона ⁽⁵⁸⁾; привезено же товаровъ изъ-за границы—всего на 255 съ половиною милліона ⁽⁵⁹⁾, а чрезъ Балтійское море—на 134 милліона съ половиною ⁽⁶⁰⁾. Цифры эти говорятъ довольно краснорѣчиво о торговой будущности, которая ожидаетъ Остзейскій край, какъ скоро онъ привлечетъ къ себѣ, какъ слѣдуетъ ожидать, не только всю почти торговлю балтійскую, но отчасти и заграничную торговлю черноморскихъ портовъ. Съ другой стороны, что знаменательно для нашего вопроса, читатель можетъ усмотрѣть изъ тѣхъ же Видовъ или изъ Ежегодника Министерства Финансовъ,—гдѣ сопоставленные въ сжатомъ видѣ цифры представляютъ болѣе наглядные результаты ⁽⁶¹⁾, — что

⁽⁵⁷⁾ Виды вн. торг. Россіи за 1868 г., ч. 1, стр. 1; ч. 2, стр. 1.

⁽⁵⁸⁾ Тамъ же, ч. 1, стр. 137.

⁽⁵⁹⁾ Тамъ же, ч. 1, стр. II; ч. 2, стр. I.

⁽⁶⁰⁾ Тамъ же, ч. 1, стр. 471.

⁽⁶¹⁾ Ежегодникъ 1869 г., стр. 350, общая цѣнность привоза и отпуска товаровъ за 1863—1867 г., съ распределеніемъ по различнымъ государствамъ.

если стоимость товаровъ, привозимыхъ въ Россію изъ средней Европы, и равняется приблизительно цѣнности товаровъ, доставляемыхъ въ Россію изъ Европы сѣверо-западной, то однако въ отношеніи къ вывозу сѣверо-западная Европа, и въ особенности Великобританія, составляютъ главный рынокъ Россіи. Такъ напр. въ 1868 году изъ числа вывезенныхъ изъ Россіи товаровъ всего на 218 съ половиною милліоновъ ⁽⁶²⁾, отправлено было въ одну Великобританію почти на 106, въ Пруссію же только на 36 милліоновъ ⁽⁶³⁾. Въ доказательство же того, что это общее направленіе русской торговли относится въ равной мѣрѣ и спеціально до торговли остзейской, сошлемся на Г-на Веймарна, который показываетъ, что въ Ригу приходитъ больше всего кораблей изъ Англіи, потомъ изъ Голландіи, и лишь затѣмъ изъ сѣверной Германіи. Изъ представляемыхъ имъ цифръ прихода кораблей въ Ригу въ 1852 году, которые, по его мнѣнію, ближе чиселъ другихъ годовъ подходятъ къ среднимъ числамъ, оказывается, что въ 1859 году изъ Сѣверо-Запада Европы пришло въ Ригу 523 корабля, изъ средней Европы—462, а изъ сѣверной—281 ⁽⁶⁴⁾. Цифры эти вполне соотвѣтствуютъ также и даннымъ, содержащимся въ Видахъ торговли. Такъ напр. въ нихъ указывается, что въ 1868 году по Балтійскому морю пришло въ Россію коммерческихъ судовъ: вообще изъ-за границы—5341 ⁽⁶⁵⁾, изъ Великобританіи — 2463, а изъ германскихъ портовъ—только 899 ⁽⁶⁶⁾.

⁽⁶²⁾ См. прим. 57.

⁽⁶³⁾ Видъ вн. торг., ч. 1, стр. 129; ч. 2, стр. 17.

⁽⁶⁴⁾ Стр. 486 и 487.

⁽⁶⁵⁾ Видъ торговли за 1868 годъ, ч. 1, стр. 880 и 885; мы исключаемъ изъ общаго итога число судовъ, пришедшихъ изъ русскихъ портовъ.

⁽⁶⁶⁾ Тамъ же, стр. 880.

IV.

Если мы были поставлены въ необходимость утомлять читателей сухими числами и повтореніемъ общеизвѣстныхъ фактовъ, то мы по крайней мѣрѣ, — смѣемъ надѣяться, — доказали вполне осязательно, что Остзейскія провинціи всѣми своими экономическими интересами связаны съ Россіей, и что онѣ въ правѣ отъ нее ожидать, болѣе чѣмъ отъ какой то ни было другой страны, споспѣшествованія своей торговлѣ. Пруссія, если бы она даже могла водвориться въ нашемъ Остзейскомъ краѣ, — что для нея, за сліяніемъ этого края съ Россіей, рѣшительно невозможно, — не только напрасно усложнила бы торговую его манипуляцію, составляя третье не нужное звено въ торговлѣ Россіи съ Сѣверо-Западомъ Европы, но и по старой пріязни къ Кенигсбергу, съ которымъ курляндскіе порта находятся вполне въ одинаковыхъ естественныхъ условіяхъ, благоволила бы ему въ ущербъ курляндскимъ городамъ, какъ нѣкогда Ганза, изъ особаго пристрастія къ городамъ южнаго балтійскаго побережья, искусственно низводила нашъ Остзейскій край съ высоты самостоятельнаго торговаго поста, самую природою ему даннаго, на степень крѣпостнаго батрака. Напротивъ того Петербургскій портъ не пользуется одинаково выгодными естественными условіями съ городами эстляндскими, и засимъ очевидно, что съ развитіемъ желѣзнодорожнаго дѣла собственные интересы Россіи побудятъ ее, значительную часть торговли Петербурга перенести на западный берегъ Эстляндіи. Имѣя

непосредственный интересъ въ споспѣшествованіи Остзейской торговли, Россія имѣетъ къ сему и гораздо болѣе средствъ, нежели Пруссія. Говоря о Балтійскомъ портѣ, одинъ изъ писателей двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія присовокупляетъ, что громадныя работы ровервикскія хотя и не принесли до сихъ поръ никакой пользы, но будутъ долго еще свидѣтельствовать о могуществѣ монарховъ и народа, ихъ предпринявшихъ ⁽⁶⁷⁾. И дѣйствительно, не нужно, кажется, статистическихъ цифръ для убѣжденія въ томъ, что Россія, по естественному своему богатству, могущественнѣе Пруссіи ⁽⁶⁸⁾, тѣмъ болѣе, что она не только *обильнѣе*, но, принимая во вниманіе относительную населенность, также и значительно *шире* бранденбургскаго своего сосѣда, и что округленное ея, отдѣльное и вполне замкнутое географическое положеніе не вызываетъ тѣхъ огромныхъ военныхъ издержекъ, которыя должна нести Пруссія, вслѣдствіе своей территоріи, растянутой длинною полосою въ самомъ сердцѣ Европы, и благодаря старой своей, наслѣдованной отъ предковъ и перешедшей въ плоть и кровь націи внѣшней политикѣ. Не недостатокъ средствъ былъ причиною тому, что Россія доселѣ не дала еще надлежащее развитіе гаванямъ и сухопутнымъ и водянымъ сообщенія, которыми природа такъ щедро надѣлила Остзейскій край, а отсутствіе со стороны Россіи достаточнаго духа предпримчивости, нынѣ, со време-

⁽⁶⁷⁾ Essai critique sur l'histoire de la Livonie par. L. C. В., (le C-te de Bray), 1817, t. 2, p. 297.

⁽⁶⁸⁾ Замѣтимъ кстати, что въ минувшемъ 1868 году учрежденный въ Петербургѣ Комитетъ для вспомошествованій голодающимъ въ Эстляндіи и на островѣ Эзелѣ собралъ въ Россіи 89.500 р., а за границу только 9.800 р. Деньги были присланы между прочимъ изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ Россіи, какъ напр. изъ Шемахи, Барнаула, Николаевска на Амурѣ.

ни ея обновленія, быстро развивающагося, и,—главное!—недовѣрчивая подозрительность и замкнутая исключительность той остзейской партіи, которая, упорно считая русскихъ Данайцами, боится ихъ даже тогда, когда они несутъ дары (⁶⁹).

Такимъ образомъ, между тѣмъ какъ связь Остзейскаго края съ Пруссіею противорѣчила бы всѣмъ промышленнымъ его интересамъ, сліяніе его съ Россіей вполне имъ соотвѣтствуетъ. Но нѣтъ ли какихъ либо другихъ матеріальныхъ выгодъ, въ отношеніи къ которымъ принадлежность къ Пруссіи была бы для Остзейскаго края болѣе благопріятна, нежели связь его съ Россіей. Мы знаемъ только одну отрицательную: значительно бѣльшее противу настоящаго отягощеніе податями и повинностями. Всякому извѣстно, что не только воинская повинность въ Россіи значительно менѣе отяготительна, нежели въ Пруссіи, но и государственный бюджетъ Россіи, относительно къ числу населенія, самый низкій въ Европѣ, между тѣмъ какъ въ Пруссіи жалобы на чрезмѣрное отягченіе податями не умолкаютъ. Но не всѣ, быть можетъ, знаютъ, на сколько именно въ томъ и другомъ отношеніи Россія отличается отъ Пруссіи, и потому считаемъ не бесполезнымъ также и по этому предмету прибѣгнуть къ точному и безпристрастному краснорѣчиво цифрѣ.

Г. Фадѣевъ въ книгѣ своей о вооруженныхъ силахъ Россіи приводитъ, что если бы мы вооружились такъ, какъ вооружена Пруссія, то у насъ было бы подъ ружьемъ

(⁶⁹) Мы не имѣемъ возможности провѣрить, на сколько именно справедливы факты, въ этомъ отношеніи не рѣдко приводимые и указываемые напр. въ статьѣ: Die mercantilen und gewerblichen Zustände in den baltischen Provinzen Russlands, помѣщенной въ Slavisches Centralblatt, 1866, №№ 6 и 7. Но во всякомъ случаѣ нельзя не признать за ними извѣстную долю правды.

3.200.000 людей. Между тѣмъ наша армія, по исчисленію Г. Фадѣева, состоитъ всего изъ 650.000 человѣкъ, и хотя Г. Фадѣевъ и считаетъ эту численность недостаточною для признанія Россіи надлежаще вооруженною, но и при увеличеніи арміи до тѣхъ широкихъ размѣровъ, которые Г. Фадѣевъ считалъ бы необходимыми для безусловной безопасности Россіи, было бы, по его расчету, вполне достаточно 900.000 человѣкъ дѣйствующей арміи и 480.000 человѣкъ ополченія ⁽⁷⁰⁾. Что же касается до вопроса о податяхъ, то приведемъ примѣръ, *inquit pro multis*. Еще въ 1865 году одинъ рейнскій депутатъ сообщалъ въ Эльберфельдову газету, что первый работникъ на его фабрикѣ, получая въ недѣлю $5\frac{2}{3}$ талера и имѣя небольшую землю, которая даетъ ему лишь возможность содержать трехъ коровъ, и старый, малый и низкій домъ, покрытый соломой и представляющій вообще самое жалкое жилище,—заплатилъ въ 1864 году: 6 талеровъ классной подати, 5 съ грошами талеровъ поземельнаго, 26 талеровъ съ половиною общиннаго и 3 талера церковнаго налога, всего— $40\frac{2}{3}$ талера. Въ 1865 году, вслѣдствіе небольшого возвышенія недѣльной заработной платы, — вмѣсто $5\frac{2}{3}$ талера 6 талеровъ,—этотъ работникъ внесъ уже болѣе 53 талеровъ прямыхъ налоговъ, т. е., независимо отъ косвенныхъ налоговъ и разныхъ мелкихъ платежей, какъ напр. на содержаніе окружныхъ дорогъ, долженъ былъ употребить на уплату прямыхъ налоговъ $18\frac{1}{2}\%$ своего валоваго дохода ⁽⁷¹⁾. Мы не имѣемъ подъ рукою всѣхъ необходимыхъ данныхъ, для того чтобы опредѣлить

⁽⁷⁰⁾ Вооруж. силы Россіи, 1868, стр. 42, 35 и 62.

⁽⁷¹⁾ Сб. свѣд. и мат. по вѣд. Министерства Финансовъ, 1865, т. II, № 5, стр. 4.

въ точности, сколько именно процентовъ своего дохода долженъ бы былъ этотъ работникъ употребить въ русскомъ Остзейскомъ краѣ на уплату прямыхъ налоговъ; но для того чтобы провести въ этомъ отношеніи параллель между Пруссіею и Россіей достаточно сопоставить съ классною податью, которую этотъ работникъ внесъ въ 1864 году въ размѣрѣ 6, а въ 1865 году въ количествѣ 8 талеровъ, и съ поземельнымъ его налогомъ въ 5 талеровъ, за клочекъ земли и плохой домъ,—русскую подушную подать, которая вносится, смотря по мѣстностямъ, въ размѣрѣ отъ 1 руб. 30³/₄ коп. до 2 руб. 14 к. съ души ⁽⁷²⁾, и поземельный оброкъ съ крестьянъ живущихъ въ казенныхъ имѣніяхъ Прибалтійскихъ губерній, который составляетъ среднимъ числомъ приблизительно 1 рубль за десятину удобной земли, кромѣ лѣса ⁽⁷³⁾.

⁽⁷²⁾ Обзорѣніе государственныхъ доходовъ Россіи Заблодкаго-Десятовскаго, 1868, стр. 42.

⁽⁷³⁾ Тамъ же, стр. 60.

V.

Такимъ образомъ сліяніе съ Россією соотвѣтствуетъ всѣмъ матеріальнымъ интересамъ Остзейскаго края. Но *человѣкъ не отъ хлѣба одного живъ будетъ*, и быть можетъ для духовныхъ интересовъ нашего южнаго балтійскаго поморья связь съ Пруссією представляла бы болѣе выгодъ.

По этому предмету мы попросимъ читателей еще разъ взглянуть на карту и припомнить, что нашъ Остзейскій край вовсе не составляетъ непосредственнаго продолженія вполнѣ германизованнаго южнаго балтійскаго побережья, а что напротивъ того между Пруссією и нашими Остзейскими провинціями врѣзывается широкимъ клиномъ Ковенская губернія, въ которой считается только $2\frac{1}{4}$ процента Нѣмцевъ ⁽⁷⁴⁾, между тѣмъ какъ въ Курляндіи, не говоря уже о германизованныхъ первобытныхъ туземцахъ, чистые Нѣмцы составляютъ $7\frac{1}{2}$ процента всего населенія ⁽⁷⁵⁾. Такимъ образомъ Ковенская губернія, доходя почти до самого моря, не только въ географическомъ, но и въ этнографическомъ отношеніи отдѣляетъ Остзейскій край отъ Пруссіи, давая

⁽⁷⁴⁾ Матеріалы для геогр. и стат. Россіи, собран. офицерами Генер. Штаба; Ковенская губ., сост. Афанасьевъ, 1861, стр. 280. Наибольшее число этихъ Нѣмцевъ живетъ не въ Тельшевскомъ уѣздѣ, на крайнемъ западѣ губерніи, между Курляндією и Пруссією, а въ Россіенскомъ, Ковенскомъ и Поневѣжскомъ, которые расположены противъ Сувалкской губерніи и внутри Ковенской губерніи на сѣверо-востокъ (Афанасьевъ, стр. 283—285).

⁽⁷⁵⁾ Орановскій, стр. 280.

ему соприкасаться съ нею у Полангена только узкою поло-
сою въ 6 верстѣ (⁷⁶). Таковое положеніе Остзейскаго края
ясно указываетъ ему, что находясь не между Пруссіею и
Россіей, а въ самой Россіи, и окруженный съ трехъ сторонъ
русскими народами, а съ четвертой—русскимъ моремъ, онъ
и въ этнографическомъ отношеніи можетъ быть только приз-
ванъ служить русскимъ интересамъ.

Но въ чемъ же можетъ и должна состоять эта его служ-
ба? Обратимся за отвѣтомъ къ исторіи.

Что побудило Нѣмцевъ поселиться въ нашемъ Остзей-
скомъ краѣ? торговые интересы купцовъ; свѣтское власто-
любіе рыцарей; происки папскаго Рима, который всюду, гдѣ
могъ, посылалъ своихъ служителей на Востокъ, пропаганди-
ровать въ пользу возвращенія Востока подъ начало Рима.
Мы указывали уже выше на тотъ знаменательный фактъ,
что еще до водворенія Нѣмцевъ въ нашихъ Прибалтій-
скихъ губерніяхъ, исторія заявила уже право Руси на этотъ
край; но очевидно, что въ XII и XIII столѣтіяхъ Нѣмцы, по-
селяясь у истоковъ Западной Двины, не понимали и не могли
даже понимать этихъ естественныхъ русскихъ правъ на
южное балтійское побережье, такъ какъ въ ту далекую
эпоху вовсе не выяснилось еще, что великой равнинѣ на
Востокѣ Европы суждено слиться въ государственномъ отно-
шеніи въ одно цѣлое подъ знаменемъ Русскаго народа. Нѣм-
цы пришли въ нашъ Остзейскій край служить не Россіи, а
самимъ себѣ и родной Германіи. Они ошиблись; и неужели
теперь, когда сила естественнаго порядка вещей взяла верхъ
надъ ихъ расчетами, должны за ихъ ошибку поплатиться
ихъ правнуки, стоя межъ двухъ огней, между Россіей, съ

⁷⁶) Тамъ же, стр. 16.

которою связываютъ ихъ географическое положеніе отчизны и неразрывные съ нимъ матеріальные интересы, и Германіей, къ которой тянутъ ихъ узы этнографическаго родства?

Свобода человѣческой воли и сила руководящей людьми судьбы дѣйствуютъ совмѣстно не только въ жизни каждаго изъ насъ, но и въ жизни народовъ. Подобно отдѣльнымъ людямъ, также и народы, предполагая,—по выраженію поэта,—что сами движутъ, только движутся силою судьбы. Нѣмцы пришли въ нашъ Остзейскій край для себя; но судьба воспользовалась ихъ личными побужденіями, для того чтобы сдѣлать ихъ орудіемъ своихъ предначертаній.

Каждый народъ вырабатываетъ свою цивилизацію, какъ собственно для себя, такъ и для вклада въ сокровищницу общечеловѣческой цивилизаціи, не самостоятельно, не съизнова, а продолжая лишь дѣло, начатое предшественниками.

Изъ колыбели своей на юго-восточномъ побережьи Средиземнаго моря, всемірная цивилизація была перенесена въ Грецію, гдѣ выросла и увѣнчалась цвѣтами первой юности, кипящей и радужной. Изъ Эллады судьба отдала ее въ тяжелую школу на Апеннинскій полуостровъ, а затѣмъ, послѣ долгой, мрачной переходной эпохи гамлетовскихъ сомнѣній и неурядиць, она окрѣпла и возмужала на восточныхъ берегахъ Атлантическаго океана, и богатствомъ, наслѣдованнымъ отъ древняго міра и разработаннымъ народами атлантическаго побережья Европы, даритъ далекій Западъ, по ту сторону океана, и Востокъ забалтійскій, съ тѣмъ, чтобы Америка и Россія, младшіе братья западной Европы, вмѣстѣ съ нею, на благо себѣ и общей цивилизаціи земнаго шара, продолжали работу, начатую древними. Этотъ естественный порядокъ вещей, а не ошибочный произволъ побудили Петра

Великаго указать Россіи на Западъ Европы; связавъ Россію съ Западомъ, Петръ вовсе не имѣлъ въ виду онѣмечить Россію, а хотѣлъ лишь открыть ей доступъ къ наслѣдству, оставленному древними также и ей, но въ теченіи столькихъ вѣковъ для нея недостижимому, благодаря съ одной стороны географическому положенію, поставившему Русь въ средніе вѣка внѣ соприкосновеній съ западными мѣстностями древней греко-римской культуры; а съ другой—тѣмъ дикимъ народамъ, которые наводнили Россію, и занявъ югъ восточно-европейской равнины, отдѣлили Русь также и отъ Византии, еще прежде покоренія Царьграда Османами. Но непосредственныхъ сношеній Россіи съ Западомъ, установленныхъ Петромъ Великимъ для перенесенія на русскую почву цивилизаціи, выработанной предшественниками, не было для Россіи достаточно. Ей нуженъ былъ еще, для сношеній ея съ старшими европейскими братьями, особый посредникъ, и предвидящая судьба, пользуясь водвореніемъ въ нашемъ Остзейскомъ краѣ Нѣмцевъ, которые, какъ люди науки и первые ея апостолы, преимущественно предъ всѣми другими народами западной Европы способны быть піонерами цивилизаціи, издавна предназначила этому краю посредническую роль *Великой Греціи* Россіи; такъ что Россія и въ этомъ отношеніи, включая въ свои предѣлы естественное свое *окно въ Европу*, только исполнила предназначеніе исторіи.

Для Русскихъ очевидно значительно легче отправляться въ составляющія часть Россіи Остзейскія губернія, нежели въ чужіе края, которые напр. для простолюдина почти вовсе недоступны. И дѣйствительно, со времени присоединенія Остзейскаго края къ Россіи, онъ сталъ наполняться Русскими, и притомъ въ значительно бѣльшемъ размѣрѣ, нежели

обыкновенно предполагаютъ. Не говоря уже о лицахъ военнаго сословія, Биненстаммъ,—въ изданномъ въ 1826 году географическомъ описаніи Остзейскихъ провинцій,—указываетъ на значительное число разсѣянныхъ во всѣхъ частяхъ Прибалтійскаго края русскихъ чиновниковъ, купцовъ, садовниковъ, мѣщанъ и крестьянъ ⁽⁷⁷⁾. Г. Веймарнъ приводитъ, что въ Лифляндіи рыбные промыслы по берегамъ Пейпуса перешли почти исключительно въ руки Русскихъ ⁽⁷⁸⁾. Точно также и огородничествомъ занимаются въ Остзейскомъ краѣ преимущественно Русскіе, напр. близъ Ревеля. Въ доказательство же того, что число всѣхъ этихъ русскихъ не слишкомъ незначительно, мы можемъ сослаться на Академика Кеппена, по расчету котораго въ 1842 году въ Курляндіи находилось 10083, а въ Лифляндіи 32611 Русскихъ ⁽⁷⁹⁾. Въ 1862 году Г. Орановскій насчитывалъ ихъ въ Курляндіи уже въ числѣ 14682 человекъ ⁽⁸⁰⁾. Всѣ эти Русскіе, на сколько они остаются въ сношеніяхъ съ коренною Россіею и возвращаются въ нее, не могутъ не приносить домой изъ Остзейскихъ губерній, по крайней мѣрѣ въ извѣстной степени, начатковъ западной цивилизаціи; и если и отрицать безусловно эту способность у рыболововъ и огородниковъ, то отнюдь нельзя однако не признавать ее за Пироговыми, Куторгами, Иноземцовыми и другими русскими проповѣдниками высшаго просвѣщенія, которыми Дерптскій университетъ, въ промежутокъ времени съ 1802 по 1863 годъ, обогатилъ Россію въ числѣ не менѣе 30 ⁽⁸¹⁾,

⁽⁷⁷⁾ Geographischer Abriss der drei deutschen Ostsee-Provinzen Russlands, S. 35 187 und 377.

⁽⁷⁸⁾ Стр. 406.

⁽⁷⁹⁾ Die Bewohner Kur-u-Livlands, S. 2.

⁽⁸⁰⁾ Стр. 195.

⁽⁸¹⁾ С.-Петербургскія Вѣдомости, 1869 г., № 349.

равно какъ и за всѣми вообще не малочисленными образованными русскими людьми, которые, по происхожденію Русскіе, усваиваютъ себѣ западную культуру въ Дерптѣ и затѣмъ, по возвращеніи во внутрь Имперіи, дѣлаются въ ней распространителями этой культуры. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать, что лицамъ этимъ гораздо легче знакомиться съ западною наукою въ полуродномъ Дерптѣ, нежели въ чуждыхъ Россіи и отдаленныхъ отъ нея образовательныхъ установленіяхъ Запада или въ собственныхъ чисторусскихъ университетахъ, которые хотя и имѣютъ также хорошихъ профессоровъ, но не окружены еще со всѣхъ сторонъ общимъ духомъ образованности въ той степени, въ какой онъ въ Остзейскомъ краѣ проникъ уже во всѣ почти слои общества; между тѣмъ общая образованная среда для образующейся молодежи не менѣе необходима хорошихъ профессоровъ. Но независимо отъ этой роли проводниковъ цивилизации, которую они разыгрываютъ въ Россіи по возвращеніи въ нее, русскіе люди въ Остзейскомъ краѣ имѣютъ еще и другое, быть можетъ значительно болѣе существенное призваніе, а именно: доставлять Остзейцамъ возможность знакомиться съ Россіею. Не говоря уже о томъ, что многіе Балтійцы, какъ намъ рассказывали, учатся русскому языку именно у тѣхъ русскихъ простолюдиновъ, которые приходятъ въ ихъ край и водворяются въ немъ, образованные русскіе люди, вращающіеся въ Остзейскихъ губерніяхъ, даютъ Остзейцамъ возможность уразумѣть Россію и отбросить предубѣжденія о ней Запада. Эта возможность ближе узнать Россію, постоянныя соприкосновенія и государственная съ нею связь доставляютъ нашимъ Остзейцамъ, въ дѣлѣ внесенія въ Россію выработаннаго минувшими вѣками просвѣщенія, тысячу облегчающихъ средствъ, которыхъ иностранцы не имѣ-

ють и имѣть не могутъ. За границею распространены доселѣ столь превратныя понятія о Россіи, что самыя просвѣщенные люди Запада считаютъ ее еще ордою. Получить на Западѣ вѣрное понятіе о Россіи почти невозможно, такъ что идти въ этотъ совершенно чужой и,—по мнѣнію иноземцевъ,—варварскій край рѣшаются въ большинствѣ случаевъ только тѣ иностранцы, которые вовсе неспособны устроиться дома и вслѣдствіе сего обогащаютъ Россію далеко не лучшими силами западной Европы: съ душою ренегата, съ эгоизмомъ афериста или съ безпутствомъ беспорядочныхъ натуръ, они нерѣдко болѣе вредятъ нашему отечеству, нежели приносятъ ему пользы. Напротивъ того наниматели Остзейцы не только имѣютъ полную возможность знать Россію, но вмѣстѣ съ тѣмъ, отправляясь во внутрь ея, не отторгаются отъ своей родины; и въ коренной Россіи они въ извѣстной степени у себя дома, и служа непосредственно Россіи, продолжаютъ служить также и тому клочку земли, на которомъ родились и выросли. Мнѣніе наше по сему предмету вполне подтверждается также и статистическими цифрами, которыя указываютъ напр., что личности, за коими должно быть преимущественно признано значеніе культурныхъ элементовъ, прибываютъ въ Петербургъ изъ Остзейскихъ губерній въ большемъ размѣрѣ, нежели изъ за границы. Между тѣмъ какъ въ Петербургѣ, по переписи 1864 года, въ числѣ людей торговыхъ, занимающихся ремеслами и промыслами, а также на фабрикахъ и заводахъ, было болѣе иностранныхъ, нежели прибалтійскихъ уроженцевъ ⁽⁸²⁾, процентъ сихъ по-

⁽⁸²⁾ Изслѣдованія по статистикѣ населенія и движенія его въ С.-Петербургѣ, изд. Центрального Статистическаго Комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, 1868 г. Изъ числа торговыхъ людей—2, 4% иностранцевъ и 2, 1% балтійскихъ уроженцевъ (стр. 108); изъ числа занимающихся ремеслами и промысла-

слѣднихъ превышалъ процентъ иностранцевъ въ группѣ людей, состоявшихъ на службѣ и занимавшихся частными дѣлами, профессоровъ, учителей, учительницъ, медиковъ, ходоатаевъ по дѣламъ, служащихъ по акціонернымъ обществамъ, однимъ словомъ всѣхъ тѣхъ личностей, которыя преимущественно причисляются къ классу людей образованныхъ: въ населеніи Петербурга оказалось таковыхъ 4, 5 процента изъ нашихъ Прибалтійскихъ губерній, изъ за границы же только 4, 3 процента ⁽⁸³⁾. Точно также и въ числѣ лицъ евангелическо - лютеранскаго духовенства Петербурга уроженцы нашего Остзейскаго края занимаютъ первое мѣсто, а иностранцы только второе ⁽⁸⁴⁾. Сверхъ сего статистика обнаруживаетъ, что Остзейскій край даетъ Россіи не только лучшія силы, нежели Западъ Европы, но и въ бѣльшемъ, по общей численности, размѣрѣ. Такъ напр. въ 1864 году оказалось въ Петербургѣ 17628 уроженцевъ нашего Остзейскаго края, иностранцевъ же только 14875 ⁽⁸⁵⁾. Что же касается до отношенія остзейскихъ эмиграцій къ переселеніямъ изъ другихъ русскихъ губерній, то въ семъ отношеніи оказывается, что хотя изъ

ми—3, 7% иностранцевъ и 3, 2% Остзейцевъ (стр. 117); и наконецъ изъ числа занимающихся на фабрикахъ и заводахъ—иностранцевъ 2, 5%, а Остзейцевъ только 1, 8%, (стр. 123). Въ группѣ прислуги разнаго рода, поденщиковъ и чернорабочихъ, Остзейцы имѣли перевѣсъ предъ иностранцами (стр. 123), но это обстоятельство не измѣняетъ нашего положенія, такъ какъ относительно этихъ временныхъ посѣтителей нашей столицы, для которыхъ близость разстоянія составляетъ вопросъ первой важности, иностранцы вообще не могутъ конкурировать съ Остзейцами. Напротивъ того въ числѣ крестьянъ-колонистовъ, водворяющихся въ Россіи на всегда, иностранцы преобладаютъ предъ уроженцами нашихъ Прибалтійскихъ губерній.

⁽⁸³⁾ Тамъ же, стр. 107.

⁽⁸⁴⁾ Тамъ же, стр. 108.

⁽⁸⁵⁾ Тамъ же, стр. 20—29.

числа 50 губерній и областей европейской Россіи, за исключеніемъ Финляндіи, Польши и Кавказа, 46 имѣютъ болынее населеніе, нежели Эстляндіа, 44 превосходятъ по людности Курляндію и 39—Лифляндію,—тѣмъ не менѣе въ 1864 году находилось въ Петербургѣ только отъ 11 губерній болѣе уроженцевъ, нежели эстляндскихъ; Курляндіа занимала въ этомъ отношеніи 15-ое, а Лифляндіа 8-ое мѣсто ⁽⁸⁶⁾. Въ число вышеуказанныхъ 17628 остзейскихъ уроженцевъ, находившихся въ Петербургѣ въ 1864 году, включены не только Нѣмцы, но и Эсто-Латыши. Но такъ какъ сіи послѣдніе въ большинствѣ случаевъ образованіе русскаго простолюдина, то нельзя не признать и за ними, по крайней мѣрѣ въ извѣстной степени, значеніе культурныхъ элементовъ. «Въ Лифляндіи, замѣчаетъ Г. Веймарнъ, грамотность до такой степени распространена въ народѣ, что неумѣніе читать считается даже постыднымъ ⁽⁸⁷⁾.» При этомъ Г. Веймарнъ указываетъ, что по статистическимъ таблицамъ, составленнымъ при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, изъ числа училищъ европейской Россіи, которыхъ въ 1856 году считалось всего 7841, на долю одной Лифляндіи приходилось 1062; изъ общаго же числа 432889 учащихся во всѣхъ школахъ европейской Россіи причиталось на Лифляндію 39874; такъ что, по вычисленію Г-на Веймарна, между тѣмъ какъ общій процентъ учившихся въ Россіи въ 1856 году долженъ быть опредѣленъ въ 0,75, онъ въ Лифляндіи составлялъ 7,62 ⁽⁸⁸⁾. Цифры эти говорятъ тѣмъ болѣе въ пользу образованности нисшихъ классовъ въ Лифляндіи, что

⁽⁸⁶⁾ Тамъ же.

⁽⁸⁷⁾ Стр. 563.

⁽⁸⁸⁾ Стр. 564.

крестьянскія дѣти обучаются въ Остзейскомъ краѣ не только въ школахъ, но и дома, родителями, и въ особенности матерями семействъ, подъ надзоромъ церковныхъ приходскихъ старостъ и ихъ помощниковъ, странствующихъ учителей и главнѣйшимъ образомъ пасторовъ, которые дѣйствуютъ на домашнее обученіе и надзираютъ за нимъ, съ одной стороны домашними посѣщеніями и объѣздами деревень для частныхъ испытаній, а съ другой—приготовленіемъ въ теченіи 6-ти недѣль къ конфирмаціи и предварительнымъ испытаніемъ передъ первымъ приобщеніемъ Св. Тайнъ. Вслѣдствіе сего, по расчету Г-на Веймарна, съ присовокупленіемъ къ числу учившихся въ школахъ, числа дѣтей, пользовавшихся домашнимъ обученіемъ, въ 1856 году учащіеся составляли въ Лифляндіи 14,71 процента всего населенія⁽⁸⁹⁾. Въ Курляндіи, по указанію Г-на Орановскаго, число учащихся составляло въ 1857 году 3 процента населенія; но намъ кажется, что эта цифра ниже дѣйствительной, такъ какъ принятое въ основаніе оной число 177 обучавшихся дома дѣтей представляется слишкомъ незначительнымъ, въ виду 17040 учениковъ, числившихся въ школахъ, и собственныхъ словъ Г-на Орановскаго, показывающаго, что крестьянскія дѣти до 13-ти лѣтнаго возраста обучаются чтенію и катихизису дома у матерей⁽⁹⁰⁾. Изъимѣющихся у насъ свѣдѣній объ Эстляндіи, относящихся къ 1852 году, мы усматриваемъ, что число обучавшихся въ школахъ составляло въ этой губерніи два процента всего населенія, а слѣдовательно, если удвоить это число, согласно указаніямъ Г-на Веймарна о Лифляндіи, общее число учившихся составляло въ Эстляндіи въ 1852 году 4 на 100.

⁽⁸⁹⁾ Тамъ же.

⁽⁹⁰⁾ Стр. 362—366.

Возвращаясь послѣ этого отступленія,—въ подтвержденіе культурнаго значенія Эсто-Латышей,—къ вопросу о переселеніи Остзейцевъ въ коренную Россію, сошлемся, независимо отъ вышеприведенныхъ цифръ, также и на показанія Г. Юнгъ-Стиллинга, который вычисляетъ, что въ четырехлѣтіе съ 1859 по 1863 годъ выселилось изъ Лифляндіи не менѣе 16310 лицъ. Число это говоритъ тѣмъ болѣе въ пользу не малой численности переселеній Остзейцевъ во внутрь Россіи, что оно, хотя и довольно крупное, далеко не достигаетъ однако дѣйствительной численности лифляндскихъ эмиграцій, такъ какъ, при опредѣленіи этой цифры, Г. Юнгъ-Стиллингъ съ одной стороны основывается не на численности дѣйствительныхъ выселеній, а лишь на избыткѣ выселеній изъ края передъ переселеніями въ оный; съ другой же стороны, изъ цифры 17767, —выражающей за означенное четырехлѣтіе избытокъ выселеній изъ лифляндскихъ уѣздовъ передъ переселеніями въ оные, —исключаетъ 1457 лицъ, которыми въ теченіи означеннаго времени переселеніе въ лифляндскіе города превысило эмиграцію изъ оныхъ. Между тѣмъ нѣтъ достаточнаго повода полагать, чтобы всѣ лица, переселившіяся въ означенное четырехлѣтіе въ лифляндскіе города, переселились въ оные только изъ лифляндскихъ уѣздовъ. Напротивъ того есть полное основаніе къ предположенію, что многія изъ этихъ лицъ эмигрировали въ лифляндскіе города не изъ самой Лифляндіи, а изъ другихъ русскихъ губерній или изъ чужихъ краевъ ⁽⁹¹⁾. Наконецъ для надлежащей оцѣнки тѣхъ культурныхъ дѣятелей, которыхъ даетъ Россіи Остзейскій край, укажемъ также на «Обзоръ

⁽⁹¹⁾ Beitrag zur Bevölkerungsstatistik Livlands aus den Jahren 1847—1863 von Fr. von Jung-Stilling, 1866, S. 18 und vorherg.

дѣтельности Дерптскаго Университета съ 1802 по 1865 годъ.» Книги этой въ настоящее время не имѣется у насъ въ рукахъ, но для нашего вопроса достаточно указать по этому предмету на появившіяся недавно въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ корреспонденціи изъ Дерпта ⁽⁹²⁾, изъ которыхъ мы уже выше почерпнули нѣкоторыя свѣдѣнія. Не считая тѣхъ питомцевъ Дерптскаго Университета, которые остались въ самомъ Остзейскомъ краѣ, Университетъ этотъ не только разослалъ во всѣ концы Россіи медиковъ, учителей и пасторовъ, но и далъ Имперіи, въ 63 года съ 1802 по 1865 годъ, съ вышеуказанными 30 лицами русскаго происхожденія, всего, по исчисленію корреспондента С. Петербургскихъ Вѣдомостей, не менѣе 70 профессоровъ и членовъ Академіи.

Всѣ эти цифры пріобрѣтають тѣмъ болѣе значенія, что къ числу вращающихся внутри Имперіи остзейскихъ уроженцевъ должны быть причислены также и тѣ немалочисленные уроженцы коренной Россіи, которые хотя и родились внутри Россіи, но по происхожденію Остзейцы. Уже въ 1849 году въ Петербургѣ, по исчисленію Академика Кеппена, было почти 73000 протестантовъ и католиковъ, не считая Шведовъ и Финляндцевъ ⁽⁹³⁾. Если раздѣлить это число на двѣ группы, — соотвѣтственно вышеозначеннымъ двумъ числамъ 17628 остзейскихъ и 14825 иностранныхъ уроженцевъ, оказавшихся въ Петербургѣ въ 1864 году,—то на долю Остзейцевъ изъ упомянутыхъ 73000 должно быть отчислено приблизительно 40000. Впрочемъ къ исчисленію этому слѣдуетъ присовокупить, что Статистическій Центральнѣйшій Комитетъ, основываясь на переписи

⁽⁹²⁾ 1869, №№ 349 и 353.

⁽⁹³⁾ Ueber die Deutschen im S.-Petersb. Gouvern., 1850, S. 19—21.

1864 года, показываетъ въ Петербургѣ нѣсколько менѣе протестантовъ и католиковъ, нежели Кеппенъ; между тѣмъ какъ первый опредѣляетъ число протестантовъ, со включеніемъ въ оное также и Шведовъ и Финновъ, въ 61873, Статистическій Комитетъ насчитываетъ ихъ только 58834, а вмѣсто указываемыхъ Кеппеномъ 27876 католиковъ, опредѣляетъ число сихъ послѣднихъ лишь въ 18885 ⁽⁹⁴⁾. Но намъ кажется, что обстоятельство это не можетъ быть принято за признакъ уменьшенія въ Петербургѣ остзейскихъ и иностранныхъ элементовъ, а должно быть приписано: съ одной стороны—большей точности изслѣдованій Комитета предъ изысканіями Академика Кеппена, а съ другой — тому обстоятельству, что Статистическій Комитетъ въ основаніе вышеприведенныхъ цифръ о количествѣ инновѣрцевъ принялъ не все населеніе Петербурга, опредѣленное имъ въ 547422 души, а лишь тѣ 503550 душъ, которыя дали показанія о своей принадлежности къ тому или другому вѣроисповѣданію ⁽⁹⁵⁾. Передъ нами лежитъ отчетъ протестантскихъ приходовъ за 1869 годъ. Въ этомъ году заключено было въ Петербургѣ между протестантами 615 браковъ. Если умножить это число на 125,—въ виду того, что въ Петербургѣ приходится въ годъ среднимъ числомъ 1 бракъ на 125 душъ ⁽⁹⁶⁾,—то получится 76875 протестантовъ. Наконецъ нужно принять во вниманіе и то, что чрезъ смѣшанные браки многіе остзейскіе элементы переходятъ въ Православіе, не утрачивая однако при этомъ культурнаго своего значенія, такъ какъ и въ православныхъ семействахъ

⁽⁹⁴⁾ Статистика населенія Петербурга, 1868, стр. 59 и 60.

⁽⁹⁵⁾ Тамъ же, стр. 4, 56 и 61.

⁽⁹⁶⁾ Тамъ же, стр. 133.

остзейскаго происхожденія сохраняются, вмѣстѣ съ этимъ происхожденіемъ, традиціи стародавней цивилизаціи и выработанныхъ ею началъ усиленной умственной жизни, строго развитой нравственности и тщательнѣйшаго воспитанія дѣтей. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, находящіеся нынѣ въ одномъ Петербургѣ остзейскіе культурные дѣятели должны быть предполагаемы скорѣе въ большемъ, нежели въ меньшемъ количествѣ противъ приведеннаго нами числа 40000. Во всякомъ же случаѣ мы попросимъ читателей, въ подтвержденіе нашихъ указаній, просмотрѣть самимъ списки служащихъ въ Россіи и оглянуться,—не только въ столицѣ, но и въ любомъ провинціальномъ городѣ,—во всѣхъ тѣхъ кружкахъ, въ коихъ въ особенности царствуетъ наука и та энергія труда, которая свойственна только людямъ, воспитаннымъ на началахъ истинной цивилизаціи. Пусть сами читатели путемъ воспоминаній провѣрятъ, сколько въ этихъ кружкахъ вращается Остзейцевъ. Очень интересны въ этомъ отношеніи вышеприведенныя нами указанія Центрального Статистическаго Комитета о распредѣленіи жителей Петербурга по занятіямъ ⁽⁹⁷⁾. Изслѣдованія Комитета обнаруживаютъ, что во всѣхъ тѣхъ группахъ людей, занятія которыхъ требуютъ преимущественно науки и усерднаго труда,—въ классѣ служащихъ, занимающихся воспитаніемъ, между акушерками, хозяевами фабрикъ,—наибольшій контингентъ даетъ Петербургу, на ряду съ странами заграничными, нашъ Остзейскій край.

Но независимо отъ этой непосредственной культурной службы, Остзейскій край, какъ Великая Греція Россіи, призванъ служить ей также и въ качествѣ этапной станціи

(97) Тамъ же, стр. 105—127.

для западныхъ Нѣмцевъ на пути изъ Германіи въ Россію. Въ подтвержденіе этого нашего положенія мы не можемъ привести статистическихъ цифръ, за неимѣніемъ оныхъ въ настоящее время въ нашемъ распоряженіи; но намъ положительно извѣстно, что независимо отъ прежнихъ эмиграцій, понынѣ не малое число ученыхъ, купцовъ, ремесленниковъ, техникумовъ переселяются изъ Германіи въ нашъ Остзейскій край, съ тѣмъ, чтобы отправляться оттуда далѣе во внутрь Россіи или по крайней мѣрѣ, — иногда даже безсознательно, — на этой нейтральной почвѣ готовить для Россіи своихъ дѣтей и внуковъ⁽⁹⁸⁾. Съ другой стороны, въ качествѣ посредника между Россіей и Западомъ, Остзейскій край, имѣя всѣ средства ознакомиться съ коренною Россіею и владѣя ученымъ языкомъ Запада, призванъ разсѣвать печатнымъ словомъ туманъ предубѣжденій, который, какъ уже нами выше указано, отнимаетъ у Запада всякую возможность имѣть о Россіи вѣрное сужденіе, и препятствуя дружному взаимодѣйствию Россіи съ Западомъ, не мало затрудняетъ успѣхи всемірнаго культурнаго движенія. Для примѣра укажемъ лишь на турецкихъ христіанъ, которые, быть можетъ, уже давно освободились бы отъ масульманскаго ига, если бы не мифъ о завѣщаніи Петра Великаго и о всепоглощающихъ завоевательныхъ замыслахъ Россіи.

Таково въ духовномъ отношеніи призваніе нашего Остзейскаго края. Мы не скрываемъ отъ себя, что доводы наши, по этому предмету, менѣе убѣдительны доказательствъ, приведенныхъ нами въ подтвержденіе призванія Прибалтійскаго

⁽⁹⁸⁾ См. напр. въ *Baltische u. russische Culturstudien* von Eckardt, 1869, *Baltische Aus- u. Einwanderer*, стр. 78. Статья эта по затронутому нами предмету содержитъ въ себѣ много интересныхъ указаній, хотя къ несчастію не во всѣхъ отношеніяхъ поставляетъ Остзейскій вопросъ на основанія, вполне правильныя.

края быть гаванью Россіи. Но обстоятельство это, по нашему убѣжденію, не измѣняетъ правильности нашего положенія. Оно служитъ лишь новымъ подтвержденіемъ старой истины, что соблюденіе матеріальныхъ интересовъ гораздо менѣе въ произволѣ людей, нежели соблюденіе интересовъ духовныхъ. Остзейскому краю трудно было значительно уклониться отъ исполненія своей естественной, въ отношеніи къ Россіи, матеріальной роли; духовному же своему призванію онъ могъ внять или не внять, и хотя онъ до сихъ поръ внялъ ему только въ половину, призваніе это тѣмъ не менѣе существуетъ.

Мы далеки отъ мысли, чтобы Остзейскій край, въ этомъ послѣднемъ отношеніи, вовсе не сослужилъ Россіи той службы, къ которой онъ призванъ. Напротивъ того мы пытались доказать, что онъ и въ дѣлѣ просвѣщенія сдѣлалъ для Россіи многое. Но справедливость требуетъ присовокупить, что съ бѣльшею доброю волею, и съ меньшимъ перемѣшеніемъ у себя дома цвѣтовъ цивилизаціи съ плевелами отжившихъ средневѣковыхъ порядковъ, онъ могъ бы сдѣлать для Россіи въ культурномъ отношеніи еще гораздо болѣе, въ особенности въ качествѣ распространителя на Западѣ вѣрныхъ свѣдѣній о Россіи. Къ несчастію онъ не только не выполнилъ еще этого призванія, но и самъ иногда напускаетъ о Россіи туманъ фантастическихъ предразсудковъ. Если одинъ изъ извѣстнѣйшихъ историковъ Германіи, — Роттекъ, — оканчиваетъ свою всемірную исторію выраженіемъ опасенія, чтобы Русскіе не разыграли въ отношеніи къ западнымъ Европейцамъ роли, въ которой относительно Китая нѣкогда подвизались Монголы и Манджуры, — то это грустно, но можетъ однако казаться въ извѣстной степени извинительнымъ со стороны затрудненій, встрѣчаемыхъ Западомъ въ дѣлѣ вѣр-

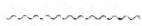
наго уразумѣнія Россіи. Въ отношеніи же Остзейца, исповѣдующаго и провозглашающаго подобныя опасенія, мы вовсе не знаемъ облегчающихъ вину обстоятельствъ.

Такимъ образомъ культурное призваніе Остзейскаго края существуетъ, по нашему убѣжденію, совершенно независимо отъ того, выполняется ли оно Остзейцами или нѣтъ. Да не упрекнуть насъ при этомъ случаѣ въ томъ, что мы будто бы признаемъ за Прибалтійскими нашими губерніями призваніе онѣмечить Россію. Христіанство выросло на еврейской почвѣ и первыми его апостолами и распространителями въ въ чужихъ краяхъ были преимущественно Евреи, но развѣ они при этомъ навязали другимъ народамъ свою національность? Въ Россіи на 77 милліоновъ всего населенія считается только 850 тысячъ Нѣмцевъ, въ томъ числѣ въ Остзейскомъ краѣ 170 тысячъ, въ Польшѣ 240, а въ остальной Россіи только 440 ⁽⁹⁹⁾. Мыслимо ли, чтобы эта горсть людей, хотя бы она и нѣсколько увеличилась новыми пришельцами изъ Запада, была въ состояніи онѣмечить Россію или узурпировать въ ней преобладающее значеніе? Не видимъ ли мы на-противъ того,—развѣ бы мы захотѣли, *видя, не видѣть, и слыша, не слышать и не разумѣть*,—что всякій цивилизованный Русскій, по положенію, которое онъ занимаетъ въ государствѣ и обществѣ, пользуется въ Россіи естественнымъ преимуществомъ передъ Нѣмцемъ? И не служатъ ли вмѣстѣ съ тѣмъ эти цивилизованные Русскіе лучшимъ залогомъ того, что Россія, вступивъ наконецъ на путь прогресса, съ неимовѣрною быстротою догонитъ на немъ своихъ старшихъ западно-европейскихъ братьевъ.

Но не прошло ли уже для Остзейскаго края время зани-

⁽⁹⁹⁾ Карм. кн. сравн. стат. Павлова, 1869, стр. 37 и 40.

мать въ Россіи культурный постъ? На вопросъ этотъ мы отвѣтимъ вопросами же. Нуженъ ли еще приплывъ новыхъ культурныхъ элементовъ въ Россію, гдѣ посреди 77 милліоннаго населенія постоянно слышатся жалобы на недостатокъ людей? Все ли еще Россіи легче быть связанною съ Западомъ чрезъ Остзейскій край, нежели непосредственно? Такъ какъ на оба вопроса нельзя, — въ виду вышеизложеннаго, — не отвѣтить утвердительно, то сомнѣніе въ томъ, не прошло ли уже время посреднической въ культурномъ отношеніи роли Прибалтійскаго края, устраняется, по нашему мнѣнію, само собою.

VI.

Г. Юнгъ-Стиллингъ считаетъ переселеніе Остзейцевъ во внутрь Россіи искусственнымъ и противуестественнымъ ⁽¹⁰⁰⁾. Быть можетъ мнѣніе это,—въ извѣстной, ограниченной степени,—справедливо относительно крестьянъ. Но вообще ничего не можетъ быть естественнѣе остзейскихъ эмиграцій на Востокъ, вызываемыхъ общимъ стремленіемъ интеллигенцій туда, гдѣ на нихъ болѣйшій спросъ. Крайняя остзейская партія любитъ укорять Россію въ отсталости въ дѣлѣ просвѣщенія, забывая, что Россія въ этомъ отношеніи не отстала отъ Германіи, а лишь не успѣла еще сравняться съ нею, и что въ настоящее время она догоняетъ Западъ не по днямъ, а по часамъ. И во всякомъ случаѣ не Остзейцамъ жаловаться на это обстоятельство, такъ какъ лично для нихъ неблагопріятныя его послѣдствія не только уравниваются, но и въ значительной мѣрѣ превышаются тою выгодною, которую оно имъ доставляетъ, давая имъ возможность принадлежать въ Россіи къ числу передовыхъ людей, между тѣмъ какъ въ Пруссіи, значительно опередившей Остзейскій край, поморье это должно бы было довольствоваться незавиднымъ положеніемъ *За-Помераніи*; такъ что не только со стороны матеріальныхъ, но и относительно главныхъ духовныхъ интересовъ,—а именно естественнаго желанія наилучше помѣстить свой интеллектуальный капиталъ,—связь съ Россіею значительно

⁽¹⁰⁰⁾ Beitrag zur Bevökerungsstatistik Livlands, 1866, S. 18.

болѣе выгодна для Остзейскаго края, нежели была бы для него принадлежность къ Пруссіи: понятно, что если бы Остзейскій край былъ отдѣленъ отъ Россіи государственною границею, то эмиграціи Остзейцевъ въ Россію и временныя отпращиванія ихъ на Востокъ представляли бы для нихъ значительно болѣе затрудненій, чѣмъ въ настоящее время.

Но нѣтъ ли, —спросимъ мы вновь, —кромѣ вышеуказанныхъ, какихъ либо другихъ духовныхъ интересовъ, въ отношеніи къ которымъ Остзейскій край находился бы въ Пруссіи въ болѣе выгодномъ положеніи, нежели въ Россіи?

Если справедливо, что въ Остзейскомъ краѣ существуетъ партія, которая отворачивается теперь отъ Россіи лишь потому, что обновляющаяся Русь заставляетъ Остзейскій край разстаться съ средневѣковыми порядками, то на врядъ ли Пруссія была бы въ этомъ отношеніи долготерпѣливѣе Россіи. Пусть остзейскіе ультра-консерваторы навѣдаются въ провинціяхъ, аннексированныхъ Пруссіею въ 1866 году, —любить ли она преклоняться предъ мѣстными автономіями и исключительностями?

Но религія? національность?

Великія идеи, которыя заставляютъ трепетать сердца народовъ, издавна злоупотреблялись людьми политическихъ партій для разжиганія политическихъ страстей. Оговоримся. Мы вовсе не утверждаемъ, чтобы желанія крайней русской партіи въ дѣлѣ обрусенія Остзейскаго края были вполне безупречны. Но съ другой стороны, вполне ли неповинны сами Остзейцы? Если бы они во всѣхъ отношеніяхъ отдавали Кесарю Кесарево, и приносили бы Россіи въ дань не только свою пресловутую вѣрность, но и искреннюю преданность, на которую Россія имѣетъ полное право, то не устранился ли бы самъ собою всякій поводъ навязывать Русскому наро-

ду мысль о необходимости, вслѣдствіе фантастической опасности со стороны Запада, прибѣгать къ чрезвычайнымъ мѣрамъ обрусенія Эсто-Латышей? И во всякомъ случаѣ не дѣлаютъ ли Остзейцы изъ мухи слона? не преувеличиваютъ ли они сами,—какъ будто бы только для того, чтобы самихъ себя разжигать,—значеніе нѣкоторыхъ временныхъ мѣръ? Возможно-ли,—въ виду того пути прогресса, на который Россія нынѣ вступила и съ котораго повернуть она не захочетъ и не сможетъ,—серьезно ожидать отъ нея крутыхъ мѣръ противъ свободы совѣсти и правъ національности, тамъ, гдѣ онѣ не вызываются существенною необходимостью, какъ въ Литвѣ? Пусть Остзейскій край рѣшится,—вполнѣ чисто-сердечно,—отдавать во всѣхъ отношеніяхъ Кесарю Кесарево, и никогда Россія не будетъ ему препятствовать отдавать Божіе Богу.

Другое дѣло — естественный порядокъ вещей. Пока Остзейскій край будетъ выполнять въ отношеніи къ Россіи свою культурную роль, онъ сохранитъ свою нѣмецкую національность. Но какъ скоро онъ выполнитъ это свое призваніе; какъ скоро общій уровень русской образованности сравняется съ уровнемъ остзейскаго просвѣщенія,—южное наше прибалтійское поморье мало по малу сольется само собой,—въ этнографическомъ отношеніи,—съ остальною Россією, сохранивъ лишь извѣстный мѣстный колоритъ; сольется тѣмъ болѣе, что между Русскими и Нѣмцами стоятъ живую связью Эсто-Латыши. Принадлежность къ Пруссіи избавила бы остзейскихъ Нѣмцевъ отъ необходимости подобнаго естественнаго сліянія съ Русскимъ народомъ; въ этомъ нѣтъ спора. Но какой интересъ можетъ быть для Остзейцевъ въ сохраненіи своей нѣмецкой національности даже тогда, когда цивилизація русская сравняется съ нѣмецкою? Мѣнять луч-

шее платье на худшее, невыгодно. Но когда я, живя на сѣверѣ, имѣю выборъ между двумя платьями одинаковаго достоинства, которыя отличаются другъ отъ друга только тѣмъ, что одно приспособлено къ сѣверу, а другое къ югу, — то собственный интересъ побудитъ меня предпочесть первое. На высшихъ степеняхъ культуры національность народовъ, одинаково образованныхъ, есть только платье. Пока нѣмецкій языкъ, въ отношеніи къ русскому, составляетъ для Остзейцевъ символъ цивилизаціи болѣе развитой, нежели русская, желаніе ихъ говорить по нѣмецки понятно; но коль скоро нѣмецкій языкъ потеряетъ для Остзейцевъ такое свое исключительное культурное значеніе, нарѣчіе, самое сподручное для балтійской гавани Россіи, будетъ нарѣчіе русское, и распространеніе его въ Остзейскомъ краѣ, предпочтительно предъ другими языками, будетъ вполне соответствовать не только выгодамъ Россіи, но и собственнымъ интересамъ его остзейской гавани.

Такимъ образомъ отдѣленіе Остзейскаго края отъ Россіи къ Пруссіи, — не говоря уже о томъ, что оно рѣшительно невозможно, — до такой степени противорѣчило бы всѣмъ интересамъ самого Остзейскаго края, что сдѣлаться частью Пруссіи значило бы для него: измѣнивъ не только долгу присяги, но и естественному своему призванію, разстроить свое матеріальное благосостояніе, промѣнять передовой въ интеллектуальномъ отношеніи постъ въ Россіи на послѣднее мѣсто въ крайнемъ германскомъ арріергардѣ, и все это лишь для того, чтобы имѣть возможность оставаться нѣмецкою страпою даже тогда, когда безусловно всѣ интересы края будутъ требовать сліянія его съ Россією, не только въ государственномъ, но и въ этнографическомъ отношеніи.

VII.

Быть гаванью и Великою Греціею Россіи: таково политическое призваніе нашего Остзейскаго края. Это въ сущности почти также просто и безспорно, какъ то, что дважды два четыре, но къ несчастію далеко не всѣми принимается за аксіому, долженствующую быть поставляемою въ основаніе всякаго политическаго воззрѣнія на Остзейскій край. Если бы аксіома эта всѣми признавалась, то могли ли въ русской прессѣ раздаваться голоса, придающіе «будированію» извѣстнаго остзейскаго кружка значеніе серьезныхъ помысловъ о противорѣчащемъ всѣмъ матеріальнымъ и духовнымъ интересамъ Остзейскаго края отторженіи его отъ Россіи къ Пруссіи? могли ли таковыя голоса, основываясь на этой фантастической посылкѣ, требовать немедленнаго обрусенія края силою искусственныхъ мѣръ, т. е. уничтоженія того посредствующаго въ культурномъ отношеніи, между Западомъ и Востокомъ, положенія его, которое въ настоящее время составляетъ еще одно изъ необходимыхъ условій успѣшнаго развитія Россіи? Съ другой стороны, если бы весь Остзейскій край былъ проникнутъ сознаніемъ о естественномъ своемъ политическомъ призваніи, то могли ли въ немъ находиться люди, которые, съ столь великимъ усердіемъ, достойнымъ болѣе доблестной цѣли, стараются отдѣлить свою отчизну отъ остальной Россіи китайскою стѣною предубѣжденій? могли ли эти люди дѣйствовать въ отношеніи къ Россіи на подобіе тѣхъ женъ, которыя, изъ ребяческаго каприза не

давая себѣ труда ближе ознакомиться со своими мужьями и съ старо-дѣвичьею непоколебимостью лелѣя предвзятые свои до брака предразсудки, полагають, что даря мужей вѣрностью, но отказывая имъ въ любви и уваженіи, они исполняютъ всѣ свои супружескія обязанности? могли ли эти люди партіи, вопреки естественному порядку вещей и собственнымъ своимъ интересамъ, отказываясь,—именемъ всего Остзейскаго края,—отъ полнаго сліянія съ Россіей даже тогда, когда край этотъ доиграетъ свою роль Великой Греціи Россіи, и когда Русь сравняется по степени цивилизаціи съ Западомъ,—требовать отъ судьбы, чтобы она на вѣки сохранила за Остзейскимъ краемъ двусмысленное положеніе одновременной принадлежности къ Русскому государству и къ Нѣмецкому народу?

Всѣ эти вопросы, какъ выходящіе изъ рамки нашей статьи, мы въ ней разсматривать не будемъ. Но мы признавали необходимымъ, въ заключеніе нашего изложенія, еще разъ указать на нихъ, дабы объяснить причины, побудившія насъ сдѣлать попытку, въ подкрѣпленіе безспорной аксіомы о политическомъ призваніи Остзейскаго края, собрать и сгруппировать указанія,—болѣе или менѣе общезвѣстныя,—безстрастной науки, которая,—по выраженію одного изъ ея служителей,—въ противоположность предвзятымъ а priori предубѣжденіямъ увлекающейся политической полемики, ищетъ только чистую и простую правду, *la pure et simple vérité*.

